

18+

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

ВОЛШЕБНИК ПО ЗАЛЕТУ

КНИГА ПЕРВАЯ. МАЛАХИТОВЫЙ
ПОРТАЛ

Василий Лягоскин

**Волшебник по залету. Книга
первая. Малахитовый портал**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Волшебник по залету. Книга первая. Малахитовый портал /
В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532008-7

Закрытая от Содружества планета... Средневековье, которое судорожно
пытается построить новый мир на обломках трех цивилизаций. Может, здесь
пригодится что-то еще от одной, земной, русской ее части?

ISBN 978-5-00-532008-7

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Олег Громов, прогнозист концерна «Агроком». Бывший	6
Глава 2. Мира Ройт, глава сквайда искателей	22
Глава 3. Олег Громов и Маша, Малый Помощник цивилизации Самах	33
Глава 4. Артан, Глаз сквайда искателей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Волшебник по залету Книга первая. Малахитовый портал

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2021

ISBN 978-5-0053-2008-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-2009-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Олег Громов, прогнозист концерна «Агроком». Бывший

Вас когда-нибудь прикладывали носом о столешницу? Каменную; массивную настолько, что непонятно было – как не подламываются под ее тяжестью резные деревянные ножки. Олег никому не советовал бы пробовать; себе так в первую очередь. А ведь пришлось!

Резкая, оглушающая боль прервала ролик, что неспешно крутился в голове параллельно сознанию, кричащему от предчувствия предстоящих неприятностей. Тот самый ролик, что включился пятнадцать лет назад в момент автокатастрофы, оставившей его без родителей и вообще без близких людей в этом мире.

Потом был детский дом – не самый худший, судя по слухам, что бродили среди его воспитанников. Вот там и проявилось новое в характере десятилетнего пацана. То, что он никак не хотел называть даром, и какой-то исключительной особенностью организма.

– Просто разумная осторожность, – назвал он свое состояние много позже, – нежелание еще раз вляпаться в...

Поначалу он не скрывал этого. Пытался не только сам отстраниться от очередной детской проказы, что должна была привести к несоразмерным поступку последствиям – как правило очень негативным – но и приятелей отговаривал. Но после нескольких таких удачных, или неудачных – как посмотреть – прогнозов его привели к Быку. Так звали самого главного в негласной иерархии воспитанников. Почему так прозвали не крупного рыжеволосого парня, которому до выпуска из детдома оставалось меньше полугода, Олег не знал. И гадать не пытался. Прежде всего потому, что не дали ему на такие размышления времени. Бык, прежде ни разу не общавшийся с мелким пацаненком из средней группы, просто протянул ему карандаш с чистым листом бумаги и показал на стол – обычный, стандартный для всех жилых комнат.

Олежка все-таки успел оглядеться; оценить, что такой авторитетный парень живет немногим лучше всех остальных. Разве что кровать в этой комнате была одна, а не четыре, как в той, где уже больше трех лет обитал Громов.

– Пиши!

– Что писать? – Олег, уже почти опустившийся на стул, завис, уставившись преданным (как он сам считал) взглядом в лицо Быка.

– Числа пиши, – пояснил тот, – целых шесть. К следующему тиражу «Спортлото». Выиграешь, и будет тебе счастье. Конфеты с пирожными, хоть обожрись. А хочешь – девочку подгону, постоянную. Приглядел себе уже, наверное?

Бык усмехнулся, а Олежка постарался не покрыться румянцем. Парню было почти четырнадцать, и он действительно «присмотрел». Да не абы кого, а новую учительницу русского языка и литературы. Мария Павловна работала в детском доме приходящей учительницей; подменяла постоянную, старую и совсем неинтересную для парня Ольгу Николаевну. А эта, новенькая...

– Интересно, сумеет Бык ее «подогнать»?

Нравы в детдоме были соответствующие, потому собственных мыслей Громов не устыдился – напротив, едва не заржал. Но удержался, склонив голову и покачав ею.

– Нет, не выйдет, – сообщил он.

Быку – насчет лотереи, а себе самому и насчет выигрыша, и насчет Марии Павловны.

– Почему?

Голос главаря вроде не изменился, но Олег почувствовал – еще немного, и его начнут бить. Ну, или как-то по-другому принуждать к сотрудничеству. И он постарался вложить в свой голос максимум убежденности и правдивости. Тем более, что действительно не врал.

– Не получится, Бык. Это все враки – про пророка, Вещего, и все остальное. Не могу я угадывать. Написать – могу. Да прямо сейчас напишу. Но результата не будет. И счастья тоже, с конфетами и Марией Павловной.

Последнее он сказал уже про себя, естественно. А Бык, что удивительно, поверил ему. Видно, не случайно выбился на самый верх местной иерархии. Но написать несколько вариантов заставил. И предсказуемо ничего не получил. Как и Олег, впрочем. Нет, последний как раз получил – от него окончательно отстали. Много позже Громов вспомнил эту историю; постарался разобраться в ней, и понял, в чем ошибался Бык. Просто чутье Олега работало в другом алгоритме. Стоило Быку написать эти числа самому, или заставить это сделать кого другого, да даже самого Олега, а потом спросить: «Что получится, если проставить эти числа в карточку очередного тиража?», – и он получил бы нужный ответ. Например: «Ни фига не получится, только выбросишь полста рублей на ветер». Или другой: «Выиграешь полтыщи – за четыре угаданных номера». А при упорном перечислении, и большой доле везения можно было и пять номеров, и даже шесть угадать. Сколько для этого пришлось бы Олегу сидеть за столом; сколько бумаги и времени извести?

– Вот и сидел бы, – сделал он вывод, – может быть до сих пор.

Потому он стал еще осторожней. И в детдоме, и после его окончания, когда поступил в институт, на агрономический факультет. Почему именно туда? Да потому что в их городке вуз был только один – сельскохозяйственный, а скромную однокомнатную квартирку от государства он получил практически рядом с ним.

Впрочем, несколько раз он «прокололся». Как можно было догадаться, по пьяни. А что – был он во всем остальном, кроме своей тщательно скрываемой способности, обычным парнем. И выпить не отказывался в компании однокурсников, и с девушками гулял. Последнее, кстати, исключительно после проверки – своим даром. После того, как понимал, что на него не строят далеко идущих планов, и ни к чему серьезному это не приведет. Да и лицо с фигуркой Марии Павловны нет-нет, да всплывали в памяти.

Взять хотя бы первый такой случай в общежитии. Сам он жил отдельно, но собрались тогда именно в мужском общежитии. Как принято, в самый разгар веселья все кончилось. В смысле, спиртное. И двух самых резвых послали за добавкой. А Олег, изрядно набравшийся, не выдержал. Высказался – уже в спины гонцам:

– Зря они. Сейчас в магазине встрянут в спор с какой-то бабкой, а тут рядом менты, дежурный наряд. Ночь в обезьяннике проведут. Хорошо хоть из института не попрут.

Все так и случилось. А на его прогноз немного поржали, да забыли. Это так Олег думал. А на самом деле внимание обратили, и не спускали с него глаз до самого диплома. Но об этом Громов узнал много позже. Вот как раз, когда диплом и защитил. Мыслей о будущем, о работе и взрослой жизни было много, предложений пока ни одного. Но резюме свое разослал сразу в десяток фирм. Хотя чувствовал – нигде он не пригодится. А пригласили его в одиннадцатую – концерт «Агроком», пятиэтажка которого располагалась в новом микрорайоне. Пригласили не в отдел кадров, а сразу к генеральному директору; он же и владелец концерна. К Николаю Григорьевичу Портному. Уже одна фамилия могла многое сказать Олегу. А уж когда в кабинете размером с учебную аудиторию рядом с местным олигархом обнаружился однокурсник, Витя Портнов, как оказалось, его сын, все стало понятно. Это в ощущениях. В слова же облек Николай Григорьевич:

– Так вот ты какой, Олег Сергеевич Громов – он же Гром, он же Вещий...

– Это все в прошлом, – осторожно возразил Громов, – греметь я никогда не гремел, и насчет «Вещего» слишком громко сказано. Ну, угадал пару раз что-то...

– А давай ты и у нас пару раз что-нибудь угадаешь, – хитро прищурился Портной.
– Это как? – принял удивленный вид Олег.
– Возьму тебя на работу. Зарплату хорошую дам, премии по результату. Пока «угадываешь» – работаешь...
– А если проколюсь по-крупному?
– Решения все равно принимаю я, – еще раз пожал плечами Николай Григорьевич, – и ответственность тоже моя. Ну, выгоню, если не справишься...

Олег согласился. И не жалел – до сегодняшнего дня, до третьего ноября две тысячи двадцатого года. «Протирал штаны» в отдельном кабинете, с восьми до пяти и перерывом на обед; в основном за компьютером. Кабинетик был маленьким, но оборудованным на все случаи жизни – даже диванчик был, на котором Олег с его ростом в метр восемьдесят едва помещался. Но ведь помещался же! Иногда. Предпочитал спать дома, и не всегда один. А так все шло очень даже неплохо. Зарплата раз в пять больше, чем та, на которую он рассчитывал; обязанностей практически никаких, кроме того, что раз в несколько дней его вызывали к Шефу, и тот пытал его на предмет последствий от тех или иных телодвижений концерна. Судя по тому, что Громов вот уже почти три года работал здесь, и частенько получал приличные премии, способности его пришлось тут ко двору.

– Главное – ответственности никакой, – успокаивал себя Олег, – как обещал Шеф.

Успокаивал, потому что с некоторых пор стал ощущать – что-то вокруг переменялось; что-то в недалеком будущем ждало непонятное. Впервые он не мог понять, чем обернутся эти перемены в жизни. И это напрягало. Нет, не пугало – просто было необычным.

Очередной вызов к Портному был на первый взгляд обычным; не предвещал ничего нового. Разве что лицо Шефа, ждущего его ответ, было чуть более напряженным. Почему? Громов понял, и сам напрягся – когда озвучил свой прогноз:

– На этой операции «Агроком» заработает не меньше двухсот миллионов. Долларов, естественно.

Это число для провинциальной фирмы, громко именующей себя концерном, и не брезговавшей никакими операциями в рамках российского законодательства, было нереально большим. Самые успешные сделки приносили на порядок меньше. В их городе заработать такие большие деньги было просто невозможно. Значит, «Агроком» собрался перейти в следующую «лигу», где, очевидно, все места уже давно были распределены, и никто никого не ждал.

– И что дальше? – задал вслух вопрос Шеф.

И тот же вопрос мгновеньем раньше задал себе Олег. И не смог ответить на него. Наверное, впервые с того самого дня, когда...

В голове – в той ее части, где всегда рождался ответ; пусть не совсем понятный – была лишь серая муть. Причем это относилось и к ближайшему будущему концерна, и к его собственному. Потому он и ответил, недоуменно и чуть испуганно:

– Не знаю, Николай Григорьевич... не вижу.

Шеф поглядел на него недовольно. Но проговорил – медленно, словно вгоняя гвоздь во что-то...

– Свободен.

И прихлопнул ладонью по столешнице. Олег, выходя из кабинета, оглянулся. Почему-то охватил взглядом не фигуру Портного, а эту самую столешницу. Массивную, изумрудно-зеленого цвета. Круглую по форме, диаметром метров в пять, и толщиной не меньше полуметра. Ножки – деревянные, с тонкой резьбой – казалось, готовы были подломиться, в любой момент. От того, наверное, страшно было сидеть за этим столом – упади этот каменный массив на ногу, и ничем иным, кроме ампутации, помочь было бы невозможно. Очевидно, внутри дерева были какие-то металлические стержни, но проверять Олег не решился бы. Да его ни разу и не пригласили присесть за этот стол – необычный, никак не подходящий для служебного кабинета.

Может, где-то в другом месте у Николая Григорьевича и был еще один рабочий; из массива ценного дерева, с приставным собратом, креслом и стульями, письменными приборами и...

Нет – в этом кабинете, или, скорее, зале приемов, стояла лишь эта махина (как бы не из цельного куска малахита), удобное кресло, в котором Шеф принимал посетителей, и дюжина стульев у стены – под стать креслу, но не таких статусных и удобных. Ну и компьютер перед Портным – куда же без него?

– А еще секретарша, Ниночка, – усмехнулся сквозь волнение Олег уже в приемной, – без нее никак нельзя. Кофе там, чай, ну и все остальное. Только вот стол там... я бы на таком не решился...

На этой пикантной мысли (почему-то опять вспомнилась Мария Павловна) дверь из приемной захлопнулась за его спиной, и голова Олега Сергеевича Громова, говоря компьютерным языком, перешла в режим ожидания. Он действительно ждал, не сомневаясь, что Шеф все-таки рискнет, и жизнь концерна, и его собственная, круто повернет. Куда?...

Целых две недели он провел в кабинете, в обычном режиме, ничуть не томясь этим ожиданием. Гораздо больше внимания он уделял теперь тому, что творилось вокруг, и тоже могло вторгнуться в его жизнь самым непредсказуемым образом. Почему непредсказуемым? Потому что серая муть в голове никуда не исчезла. Как понял Громов, именно этот участок внутри его черепной коробки отвечал прежде за его способность предвидеть, избегать неприятностей. Теперь же... теперь и коронавирус, от которого он прежде отмахивался, пугал до рези в животе, и начавшиеся вдруг по всему миру беспорядки грозили каким-то образом обрушиться на его несчастную голову. Да даже возвращаться домой по темным осенним улицам было по-настоящему страшно. В каждой тени ему чудились бандиты с обрезками труб и ножами в руках; редких прохожих он старался обходить по широкой дуге. Фигурой и силой его природа и родители наградили неплохими, но чем-то зубодробительным и ногомахательным он никогда не занимался. А в последнее время с такой сытой и беззаботной жизнью даже животик появился.

Так что звонок по внутреннему телефону, заставивший его подпрыгнуть в кресле от неожиданности, он воспринял с каким-то обреченным облегчением.

– Наконец-то, – прошептал он себе под нос, вскакивая с места, и одергивая пиджак – дресс-код в конторе поддерживался неукоснительно.

– Олег Сергеевич, – прошелестел в трубке голосок Ниночки; как показалось Олегу, напряженный и чуть испуганный, – зайдите к Николаю Григорьевичу. Прямо сейчас.

– Иду, – ответил Олег, уже опустив трубку.

Ответил скорее себе, а не Ниночке. И пошел, еще раз одернув полы пиджака, в смятении. Поскольку не мог определить, чего в нем сейчас больше – того самого облегчения, или предчувствия больших неприятностей. Эти, образно говоря, чаши весов резко опустились в сторону, отвечающую за неприятности, когда он открыл дверь в приемную. Страх в голосе секретарши объяснился. Громов и сам бы испугался; будь его воля – повернулся бы и бежал прочь от двух громил, что расположились сейчас по обе стороны широкой двухстворчатой двери, ведущей в кабинет Шефа. Сами такие же широкие и накаченные. А еще – глядевшие на него, словно в прицел крупнокалиберного пулемета. Через пару мгновений, очевидно разглядев его стати, и определив их как совсем никчемные, эти бойцы градус напряженности во взглядах понизили до неприличной для Громова величины. Теперь они и фигурами, и чуть заметно проявившимися ухмылками на лицах словно утверждали:

– Ты там смотри – води себя прилично. А не то...

Там – понятно, в кабинете Шефа. Где у дверей с внутренней стороны встречали еще двое. Не такие внушительные фигурами, но определенно еще опасней. Почему Олег так решил? Да потому что осознал вдруг, что серая пелена внутри головы вдруг исчезла, и он опять способен определять опасность, исходящую от...

– Да от всех тут, – решил он, почему-то теперь совершенно спокойно, – и от этой пары, каждый из которых способен убить такого как я одним пальцем, не моргнув глазом; и от Шефа, почему-то пылающего гневом именно по отношению ко мне; и вот от этого, самого страшного здесь...

Последний, от кого Громов сбежал бы, не задумываясь, даже в ад – если бы тот действительно существовал – внешне выглядел вполне мирно. Не крупный даже рядом с Портным, стоящим рядом с креслом; средних лет, круглолицый, с редкими прядями волос, зачесанными на правую сторону, он сидел в кресле хозяина, и с любопытством разглядывал Олега, застывшего в двух шагах от дверей. Он вдруг доброжелательно улыбнулся и махнул рукой, сказав негромко и совсем не внушительно:

– Проходи, садись, молодой человек.

Громов замялся – стулья все стояли у стены, справа, а показывал незнакомец, что вел себя здесь полноправным хозяином, прямо перед собой. Показывал, как оказалось, не ему, а одному из парочки позади себя. Как понял непонятным образом Олег, тому, что стоял сейчас по левую сторону от парня. Тот, очевидно, расшифровал жест хозяина как надо. Несильно, но как-то убедительно подтолкнул Громова в спину, а сам успел – пока Олег переступал ставшими непослушными ногами – переместиться к стене, подхватить крайний стул и скользнуть дальше. Как раз к тому времени, когда Олег почти уперся животом в несокрушимый камень столешницы. В ноги парня несильно ткнулся стул, и он ощутил себя уже сидящем на нем, и опустившим локти на холодный камень изумрудного цвета.

– Нет, не холодный, – поправил он себя, на несколько мгновений отрешившись от напряженной атмосферы, заполнявшей кабинет, – скорее даже теплый. И не такой уж твердый. Кажется – упрусь сейчас посильнее локтями, и продавлю в нем две ямки.

– Кхм..., – вернул его в реальность голос незнакомца, явно уловившего перемены во внутреннем состоянии парня, – давай сначала решим наши общие проблемы, молодой человек.

– Наши? – попытался несмело выразить несогласие Олег.

– Наши-наши, Олег Сергеевич, – улыбнулся собеседник, оглянувшись на Николая Григорьевича, – вот он не даст соврать.

Портной на это утверждение зримо побледнел, и торопливо закивал.

– Сдал, – почему-то решил Олег, – сдал с потрохами. И что теперь будет? Скорее всего, придется ишачить на этого вот дяденьку. И именно пахать, а не балду гонять, как здесь, в «Агрокоме». Или такого концерна уже нет?

Незнакомец, не пожелавший пока представиться, словно прочел его мысли.

– Да, Олег Сергеевич, – теперь кивнул он, – две сотни лямов американских рубликов надо вернуть. С процентами...

От этого «с процентами» стало нехорошо. Это означало – до конца жизни. Олег предполагал, что и Шеф вряд ли отпустил бы его на вольные хлеба по хорошему, но этот вот... «Этот» кивнул и новой мысли Громова:

– Вот именно. Возвращать придется. По любому. Слышал про кнут и пряник?

– Слышал.

Олег не смог выдержать взгляда незнакомца, которым тот, казалось, вывернул душу парня наизнанку, несмотря на пять метров, разделявших их. Поэтому и не увидел, каким именно жестом скомандовал теперь он боевику, стоявшему за спиной Громова; вместе со словами:

– Надеюсь, пряников будет больше. Но и про кнут не забывай. Хотя бы вот такой. Игорь!

Какая-то сила, а именно рука этого самого Игоря, дернула Громова за волосы, не в пример шевелюре незнакомца, густые, светло русые, чуть выющиеся – так, что он вскочил со стула. А через мгновение, которое отметились слезами, выступившими у парня от боли в кончиках

волос, на лицо – прежде всего на нос, выступавший вперед дальше всего остального – стремительно надвинулся огромный зеленый мир; твердая каменная столешница. Но и в эту краткую часть секунды Олег, никогда не задававший себе вопрос: «Верит ли он в Бога?», – успел втиснуть мысль, переходящую в безмолвный вопль:

– Господи! Сделай так, чтобы я прямо сейчас оказался далеко отсюда. Так далеко, чтобы эти... эти...

Нос встречи с камнем не пережил. Расплющился и расплескался по столешнице кровавыми сгустками и болью так, что...

Определить своего состояния Олег не успел. Просто отключился в спасительном обмороке, или каком другом состоянии. Главное, что отключился. А когда «включился», не сразу поверил в это. Потому что столешницы под ним; под его разбитым в кровь лицом не было. А была какая-то пыль, проникающая внутрь носа, о котором сейчас и страшно-то было подумать. Лезла так назойливо и неудержимо, что парень не удержался и чихнул – громко, с наслаждением, переходящим в панику. Потому что стола не было. И стула, на который он должен был упасть после того, как его отпустила бы ладонь Игоря, сейчас отсутствовавшего, тоже. Но положение почти сидящего человека присутствовало. Очень неустойчивое. И потому после такого невинного, на первый взгляд, действия, как громкий чих, Громов завалился набок, полностью оказавшись в этой невесомой, всепроникающей пыли.

Он тут же попытался вскочить. На ноги. Но получилось сначала лишь на колени – так, что руки по локоть оказались...

– Действительно пыль, – негромко, с понятным изумлением проговорил он, – какая-то текучая. Непонятно...

Текучая – такой вывод он сделал, потому что практически сразу же, как только он занял такую неоднозначную позу, дышать стало легко и свободно. Словно не было никакой пыли, и разбитого носа. Нет, пыль была – мелкая, уже успокоившаяся своей поверхностью, и ни единой пылинкой не прицепившаяся к его лицу, особенно к носу...

– О, ё! Твою ж мать!

Нос тоже был. Его Олег сейчас и ощупывал с осторожностью, выдернув правую руку из мягкого пылевого плена. Никаких следов удара о стол – ни боли, ни крови – не было. Как не было и всего остального. Страшного незнакомца с его угрозами. Николая Григорьевича с его испуганной, и одновременно злобной – в его, Олежкину, сторону – физиономией. Игоря с напарником у двери. И всего кабинета в целом. Со столом. Главное – со столом.

– Почему главное? – задал себе вопрос Олег.

Себе, потому что больше было некому. Поднимаясь с колен, он одновременно огляделся. Сначала перед собой, а потом и вокруг, сделав полный оборот на месте. Кабинет Николая Григорьевича, достаточно большой, сейчас «вырос» раз в десять, если не больше. И превратился при этом в сводчатый зал высотой в центре не меньше пятнадцати метров. Абсолютно пустой, если не считать того самого пыльного пятна, которое сейчас, благодаря барахтанью в нем парня, стало достаточно бесформенным. Но изначальная форма еще угадывалась. И представляла она собой круг в те самые пять метров, которые и заставили Олега задать себе такой вопрос. Почему-то не вызывало сомнения, что это была именно столешница, перемолотая неведомыми силами до порошкообразного состояния. Да – не было еще одного комплекта предметов, которые пару минут назад присутствовали в кабинете Николая Григорьевича. А именно – одежды. Олег Сергеевич Громов стоял в огромном пустом зале непонятного назначения абсолютно голым. И почему-то особых неудобств от этого не испытывал. Может, это был шок? Или случилось то обстоятельство, что некому тут было рассматривать его, а воздух вокруг был не холодным и не жарким – таким, что чувствовал себя Громов вполне комфортно?

– Даже очень комфортно, – подтвердил он вслух, – давно такого не было.

Глянул вниз, на самое дорогое. И только теперь отметил, что куда-то исчез животик. Определилось это просто потому, что он теперь не мешал обозревать это самое «дорогое». Поднял руку, потрогал бицепс – может,росло? Но нет – внешне изменение коснулись лишь жировой прослойки, которой как не бывало, да излеченного в одно мгновение (или сколько там прошло?) носа.

Олег еще раз огляделся, не стронувшись пока с места. Пространство в каменном куполе было заполнено светом. При том, что никаких видимых источников его не было. Ну, или Громов их не видел. Свет был не очень яркий, и потому, наверное, он поначалу не отметил несколько грязных куч, что располагались на каменном полу вдоль стен. Как прикинул Громов, на равном расстоянии друг от друга. Прежде, чем подойти, и рассмотреть одну из них, или все поочередно, парень зачем-то решил пересчитать их, начиная с той, на которой сейчас остановился его взгляд.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть... Оп-па! А это что такое?!

Повернувшись практически на сто восемьдесят градусов, он, прежде чем произнести очередное: «Семь!», – дернулся всем телом, и вернулся взглядом к шестой куче. Потому что она отличалась от предыдущих размерами, и тем, что внутри бесформенного образования непонятной пока массы было явственно видно что-то структурированное. А именно – достаточно аккуратно сложенный кусок ткани, под которым что-то выпирало. Что-то явно жесткое и сравнительно длинное. И Громов, вздохнув, бросил быстрый взгляд на остальные кучки, ничем не привлечшие его внимания, и направился к этой, шестой. Потому что все равно пришлось бы это делать. Информация – вот чем сейчас требовалось заполнить голову, чтобы не забиться на полу в истерике.

До кучи он считал ровно тридцать шагов. Каждый шаг сопровождал счетом – громко, сочно, заполняя зал. И звуки разносились тут как-то особенно; так же, как и непонятный свет вокруг. Наконец он остановился, вздохнул пару раз поглубже, и наклонился, задержав дыхание. Ткань не дернулась, не вцепилась в руку; так же, как и короткий жезл по ней. Рукоять непонятного пока материала торчала из кучи, которую Олег почему-то обозвал дерьмом, завершившем кверху. Торчала, пока ее поддерживал в этом положении кусок ткани. Торчала и несколько секунд после того, как кусок этот оказался на руке парня, сложенной в локте. А когда начала падать, грозя скрыться в этом самом дерьме, он не выдержал, и еще раз нагнулся; уже резче. И успел подхватить палку с прозрачным камнем, непонятно как крепившимся к одному из торцов.

– Тяжелая, зараза, – чуть удивился он, – килограмм пять будет.

Та субстанция, из которой Олег выдернул добычу, ничем не пахла, и не вызвала отторжения. Кроме, разве что, того факта, что слишком медленно, тягуче и неохотно стекала с этого предмета непонятного назначения.

– Ну, хотя бы дубинкой может послужить, – опять-таки негромко проговорил парень, – только камень жалко, если что. Не дешевый, наверное. Хотя вряд ли настоящий алмаз – таких огромных просто не бывает.

И действительно, размером прозрачный, чуть заляпанный субстанцией камень был, наверное, не меньше его кулака. Олег даже непроизвольно сжал ту ладонь, что удерживала за край отрез ткани – чтобы сравнить. А потом – убедившись, что в своем предположении не ошибся – перехватил жезл этой же ладонью за самый краешек, а второй, свободной, попытался смахнуть с камня остатки грязи. И выругался, теперь уже в полный голос, зарекившись проводить такие резкие действия с непонятными предметами. Потому что грани кристалла, на вид совсем не опасные, сглаженные, оказались необычайно острыми. Настолько, что ладонь «украсилась» сразу несколькими порезами, окрасившимися в красный цвет и человеческую кожу и камень.

– Чтоб тебя! – жезл едва не оказался опять в куче дерьма, – не хватало еще какой-нибудь заразы подхватить. И что теперь делать? Укол от столбняка никто не сделает, промыть нечем. Разве что...

Он опять обвел взглядом похудевший живот и ниже, вспомнив какую-то книжку, где как раз утверждалось, что в крайнем случае на рану нужно просто пописать...

– Ага – перекисью, – усмехнулся он криво, – чтобы вот сейчас ладошка стала стерильной и на ранах зашипела эта самая перекись. И чтобы...

Дальше в желаниях он остановился. Потому что в глубоких царапинах действительно что-то запенилось, зашипало. А через пару минут он зачем-то вытер ладонь о голую ляжку, не решившись испачкать материю на руке. И усталился на кожу – чистую, без всяких признаков недавних царапин.

– И что это было?

– Регенерация третьей степени, активированная конструктором Малого Помощника.

Голос, заполнивший все вокруг, был копией его собственного; разве что более громкий, и лишенный жизни. Но удивиться и испугаться Олег не успел. Чисто автоматически повторил вопрос, имея в виду теперь этот ответ; как он понял, все таки рожденный не его сознанием:

– И что это было?

– Регенерация...

– Да подожди ты со своей регенерацией, – Громов нетерпеливо махнул рукой, – голос вот этот откуда? И кто ты... или что?

– Я – Малый Помощник Эм Пэ Восемнадцать. Мыслеобраз фиксируется в мозгу Носителя с имитацией реального голоса.

– Теперь пугаться поздно, – пробормотал чуть слышно Громов, – теперь или ждать, когда действие лекарств кончится, и я очнусь в смиренной рубашке, или продолжать этот цирк. Клоуном я себя чувствую лучше, чем сумасшедшим. Так что продолжим...

Что-то в ответе Помощника, не проявившего пока себя никак, кроме голосового сообщения, царапнуло парня.

– «Эм Пэ», – сообразил он практически сразу, – Мария Павловна. Именно эти две буквы я вырезал на столе, в девятом классе. Все ждал, когда пацаны прикалываться начнут. А они сами, наверное, в нее втрескались. А как было не втрескаться?! Но давай оставим воспоминания на потом. Сейчас вопросы и еще раз вопросы. Хотя бы такой: «Ты сказал „мыслеобраз“». Значит, можешь не только голосом, но и, так сказать, зримо, как на картинке?».

– Могу, – ответил неизвестный опять его голосом; теперь уже практически неотличимым.

Видимо, что-то он сумел считать в мыслях Громова. А может, разглядел в недоверчивой физиономии парня.

– Ну, давай, удивляй, – разрешил Олег.

И Эм Пэ удивил. Да еще как! Так, что Олег едва не сел прямо там, где стоял. А в горле, что недавно едва не забилося пылью, застрял комок, который никак не удавалось сглотнуть. Потому что перед ним во всей своей красе предстала Мария Павловна – в том виде, и, очевидно, возрасте, какой ее помнил восьмиклассник Олег Громов. Только абсолютно голая. Еще и улыбалась призывно.

– Это как? – сумел все-таки вытолкнуть из себя парень, – это что, ты у меня в мозгу ковыряешься, зараза?

Эм Пэ ответил; точнее, ответила. А еще точнее – ответила Мария Павловна. Смотрела она при этом на такого же голого парня очень провокационно; выпятив грудь, размером, наверное, вдвое крупнее, чем в те далекие годы, и глубоко и чувственно вздыхая:

– Не ковыряюсь. Мыслеобраз создает сам Носитель. Малый Помощник принял его от Носителя и вернул в участок мозга, принимающий зрительные образы.

– То есть никакой Марии Павловны здесь нет, и никто, кроме меня ее увидеть не может, – ухватил сразу главное Олег, – если бы такой, конечно, здесь сейчас был.

– Абсолютно верно, – провозгласила учительница русского языка и литературы; теперь тем самым тоном, каким вдалбливала когда-то в неокрепшие умы детдомовцев правила русского языка.

Сказала, и растаяла. Олег, только что безуспешно боровшийся с реакцией своего организма на это возбуждающую картинку посредством того самого куска материи, теперь переместившегося на живот, и прикрывшего парня почти до колен, вскрикнул:

– Эй-эй! Ты куда? Вернись... пожалуйста.

«Мария Павловна» вернулась в одно мгновение. А Олег, переждав еще один гормональный шторм, с великим сожалением приказал, или попросил:

– Ну, ты хоть оденься, что ли?

В отличие от самого парня, единственной одежкой которого был тот самый хлипкий рулон, «Мария Павловна» предстала теперь в полном учительском облачении. Кому интересно – строгая юбка с пиджачком до колен, белая блузка с каким-то подобием галстучка, туфли на низких каблуках, колготки...

– А может, чулки... с подвязками, – немного отвлекся Громов, и тут же вернулся к суровой правде бытия; вслух, – как-то слишком строго получилось. И неудобно, наверное. Здесь паркета нет. Так что переоденься, пожалуйста. Во что-нибудь полегче.

Сознание никак не желало мириться с тем фактом, что картинку перед ним рисует его собственный мозг. И что именно он «нарядил» сейчас молодую женщину в легкую кофту с пуговицами, расстегнутыми весьма смело, и джинсы с кроссовками. Этот наряд сделал «Марию Павловну» моложе лет на пять. Так что подросший и возмужавший со времени их последней встречи Громов выглядел сейчас старше своей учительницы. Потому он и решил; для себя и таинственного Эм Пэ:

– На Марию Павловну не тянешь. Будешь Машей... Машенькой. Согласна?

– Желание Носителя для Малого Помощника закон, – почти пропела Машенька.

И парень не выдержал; шагнул вперед и попытался погладить мечту своей юности по щеке. Ну, как погладить – хотя бы потрогать. Увы – палец, а за ним и вся ладонь прошла сквозь силуэт, не заставив фантом даже шелохнуться. Это было непривычно, пугающе и почти отвратительно – видеть, как в нежной девичьей щеке исчезает чужая плоть. Олег опять отступил на ту же пару шагов, и спросил – чуть обиженно и с легкой надеждой в голосе:

– А реальное тело сделать можно?

– Можно, – кивнула Маша, – но не с возможностями Малого Носителя и низким уровнем развития потенциала Носителя.

– Да что ты так официально, – не выдержал Олег, – проще надо быть... проще. Сама же сказала, что мои мысли транслируешь. Вот и выражайся соответственно.

– Заметано, Олежек.

Громов на несколько мгновений завис; прежде всего, от той скорости, с какой этот Эм Пэ подстраивался под его желания. А потом уцепился – в который уже раз – за оговорку Машеньки:

– Насчет возможностей поподробнее, пожалуйста. А потом и про низкий уровень потенциала расшифруй. О, кей?

– Без проблем. Основных возможностей, или свойств – согласно маркировке Эм ПЭ тире восемнадцать – ровно...

– Восемнадцать, – подсказал, не выдержав, Олег.

– Совершенно верно, – кивнула Маша.

– И какие же?

Эм Пэ в образе молодой красивой женщины вздохнула, и, после небольшой паузы предложила:

- Наверное, наглядней будет воспроизвести в письменном виде. Или графически.
- Давай в письменном, – разрешил Олег, в очередной раз вспомнивший уроки русского языка.

Помощник, а точнее, Помощница, и на этот раз точно восприняла шевеление его мысли. Махнула рукой, и за ее спиной материализовался образ школьной доски. А в руках «учительницы», не поменявшей все же наряд, оказалась указка. Она отступила чуть в сторону и на доске, вслед за движением острия указки, проявлялись идеально ровные строки. Таким почерком можно было любоваться. Но Громов на это великолепие отвлекся лишь на пару мгновений – до того, как была закончена первая строка. А потом он едва успевал сознанием за стремительно порхавшей по полотну доски указкой:

- физическая защита Носителя (приоритет) – 0—8
- Пси-защита Носителя (приоритет) – 0—6
- Медицинская помощь Носителю – 0—8
- Привязка к Носителю (высший приоритет) – 0—10
- Самообучаемость – 0—6
- Обучение Носителя – 0—6
- Трансформация – 0—8
- Физическое оружие (поддержка Носителя) – 0—8
- Пси-оружие (поддержка Носителя) – 0—6
- Память – 0—4
- Автозарядка (от Носителя) – 0—8
- Автозарядка (от внешних источников) – 0—12
- Маскировка – 0—8
- Коммуникация – 0—6
- Информаторий – 0—8
- Самозащита – 0—10
- Самоотключение – 0—10
- Анализатор – 0—10

Она застыла перед доской с лицом, на котором явственно читалось: «Дети, есть вопросы?».

– Есть, и не один. Минимум восемнадцать, – машинально произнес Олег, – я так понимаю, что все это – на русском языке – в моем понимании процессов.

– Максимально приближенное понимание, – кивнула «учительница».

– Как-то зябко проверять, – передернул плечами Громов, – вдруг я что не так понял. Или все это пока слова, и реально ты показать мне ничего не сможешь. Точнее покажешь – такой же фантом?

– Пункты одиннадцать и двенадцать – автозарядка от Носителя и внешних источников уже исполняются. Уровень зарядки Малого Носителя... то есть мой, достиг сейчас четырех процентов от максимума. Этого хватит на поддержание эффекта в сто тридцать две минуты на уровне «Один», и почти двенадцать минут на уровне «Двенадцать». Твой текущий уровень пси-потенциала позволяет непрерывно поддерживать эффект вплоть до четвертого уровня.

– погоди! Ты что – меня вместо батарейки используешь? – негодуя воскликнул Олег.

– Воспринимаю только избыток пси-энергии, расходуемый организмом впустую, – тут же отговорила Маша.

– Ну, тогда ладно. Пожалуй, я все же рискну. Давай по первому пункту. Первый уровень.

– Даю...

Отреагировать на внешние изменения Олег сумел только после того, как они завершились. Дернулся, в общем – когда тяжелый жезл в руке исчез, а грудь с пахом и голову покрыли какие-то щитки, не мешающие, впрочем, ни дышать, ни видеть все вокруг, ни двигаться. Камень теперь «украшал» середину нагрудника. А вот тяжесть в щитках была достаточно весомая. Те самые пять килограммов, сейчас распределенные достаточно толстым слоем по...

– По самым уязвимым местам, – успела пояснить Маша.

– Теперь назад, – велел Олег.

Обратная трансформация прошла не менее молниеносно. Он снова стоял с жезлом в руке, которую медленно поднимал на уровень глаз.

– Так вот ты какой, северный олень, – произнес он, разглядывая прежде всего камень-навершие.

Показалось ему, или нет, но кристалл выглядел несколько иначе. Светился еле заметно, что ли?

– Малый Носитель, а не олень, – тактично поправила его Маша, прежде чем приступить к разъяснениям, – накопитель действительно поменял насыщенность. И будет менять дальше, по мере повышения уровня зарядки.

– Так он же, наверное, при ста процентах сверкать будет, как двухсотваттная лампа! – невольно воскликнул Олег.

– Будет, – кивнула Маша, – если не включить одну из подфункций функции маскировки. Вот так.

Камень заметно потускнел, а Помощница продолжила:

– При этом расходуется пси-энергия. Прямо сейчас в количестве, потребном для поддержания эффекта второго уровня.

– Засада, – покачал головой парень, – а если спрятать его? В сумке, или, к примеру, под одеждой.

– Это можно, – согласилась «учительница».

– Пойдем дальше, – разохотился Олег, – давай первый пункт по максимуму. Ненадолго, не дольше минуты.

Маша теперь внешне никак не отреагировала. Но приказ исполнила. Громов теперь оказался закован, или замурован полностью в подобие скафандра. Что интересно, темный, плотный материал жезла теперь стал мягким и гибким; еще и разнородным в разных частях. Резко отличалась от всего остального та часть, что располагалась против лица. Она была абсолютно прозрачной; настолько, что Громов невольно коснулся ее защищенным пальцем правой руки. И наткнулся на препятствие. А кусок ткани, который он не выпускал из левой руки, так и располагался на ее стиге поверх скафандра, совершенно не помешав «переодеванию».

– Вижу хорошо, – похвалил Олег, – а как со звукопроницаемостью?

– Регулируется, – подсказала от доски Маша, – сейчас оптимальная для человека.

Ее голос ничуть не изменился, но это для парня не было показателем. Ведь звука, по определению, фантом не издавал. И проверить правдивость ее слов было нечем. Разве что топнуть ногой по каменному полу. Топнул. Услышал. Негромко, но услышал.

– Хорошо, – кивнул он, не испытывая даже малейших приступов удушья, – а что с оружием?

Это было чисто по-пацански – иметь возможность пострелять и помахать железкой, и не воспользоваться ею...

– Какое? Физическое или пси-оружие?

– А давай оба. Не очень сильное, – все же остерегся он, – что-то уровня третьего-четвертого.

Движения скафандра на теле он не ощутил. Зато ощутил, даже сквозь его материал, что в правой ладони, рефлекторно сжавшейся, расположилась рукоять клинка длиной сантиметров

в шестьдесят. А в левой, прижимавшей к скафандру ткань, какая-то трубочка вдвое короче. И один конец этой трубки венчал кристалл; размером с голубиное яйцо.

Олег машинально погладил то место на груди, где чуть выдавался вперед большой камень. Едва не чиркнул себя острием клинка, но убедился, что тот никуда не делся. Прежде оружие он в руках держал только в армии. Автомат Калашникова. Один раз, на присяге. Теперь же, мысленно хохотнув, и обозвав себя чокнутым Гарри Поттером, направил немного в сторону от доски трубку с кристаллом, и воскликнул, чуть рисуясь:

– Огонь, мое верное оружие!

Трубка отреагировала как надо. Точнее, почти так, как и ожидал Громов. Едва заметный в неярком свете луч уперся в стену и расплескался брызгами расплавленного камня так мощно, что Олег поспешно скомандовал:

– Хватит, остановись! И вообще – давай все назад.

Последнее, это для Маши, и та поняла, провела обратную трансформацию, едва заметно вздохнув. Как понял Громов, так она отреагировала на неразумный расход энергии.

Пальцы у парня немного дрожали.

– Это не от испуга, – пояснил он и себе, и помощнице, – от неожиданности. А давай зайдем с другой стороны.

– С какой?

Маша повернула голову так, что смогла заглянуть себе за спину, на оттопыренный, словно специально, зад, обтянутый светлыми джинсами. Олег нервно сглотнул. Понимал, что это всего лишь отражение каких-то собственных, может, неосознанных чувств. Но все равно вспотел, и потому излишне резко пояснил:

– С другой стороны – это с последней строки списка. Вот этого, – показал он на доску, – Анализатор вплоть до десятого уровня – это что?

Маша пожала плечами:

– Анализатор – это... анализатор. Какие тут могут быть разночтения? Способность и возможность при наличии пси-энергии анализировать внешний вид и внутреннюю сущность предмета.

– Ну, тогда, дорогая, – тут он запнулся, поймав себя на том, как резко перешел на такое вот почти интимное общение, по сути, с самим собой, – сделай-ка анализ вот этого...

Олег показал на ту самую кучу, из которой вытащил жезл, оказавшийся таким ценным приобретением.

– Еще и эта хламида, – посмотрел он на ткань, которую по-прежнему прижимал к боку, – но с ней позже.

Виртуальная девушка к куче, выглядевшей очень отвратно, даже не подошла. Может, побрезговала, вслед за самим Олегом, а скорее, не сочла нужным – приступила к работе с места. Ее указка выросла настолько, что острый кончик ткнулся в кучку, и совсем скоро Малый Помощник вынес вердикт:

– Неоднородный набор элементарных частиц. Большей частью атомов и молекул. По составу: вода – шестьдесят один и две десятых процента; кальций...

Олег слушал неторопливое, но четкое перечисление, и на душе становилось все тоскливей и тоскливей. Потому что этот примерный молекулярный набор он уже слышал где-то, когда-то. А если точнее – на занятиях в институте, на курсах по биологии. И прежде, чем Маша озвучила свой вердикт, он уже понял, в чем ему недавно пришлось ковыряться, и от чего оттирать жезл с кристаллом.

– Почти со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что это останки человека, размельченные до молекулярного уровня с применением пси-энергии.

– А это откуда? – чуть взбодрился Олег, – и почему «почти»?

– Теоретически кто-то мог принести, и расположить тут кучками двенадцать наборов молекул, подходящих по составу к человеческим телам. Хотя зачем это делать? Проще, быстрее и дешевле доставить сами тела и распылить их тут, использовав неизвестный мне источник пси-энергии.

Бесстрастно сообщая эти сведения, она коснулась кончиком своей указки, меняющей длину по мере необходимости, до каждой из куч, и Олег вслед за ней досчитал: «Действительно двенадцать».

– А это? – показал он на центр зала, на тот круг из пыли, в котором едва не задохнулся.

Указка послушно двинулась в направлении его руки, и дернулась обратно, лишь только коснулась его. Дернулось, пошло рябью на мгновение и изображение школьной учительницы, и доски за ее спиной. Но лишь на краткое мгновение. И почти сразу же Маша доложила:

– Слишком большая концентрация пси-энергии. Почему-то не изливается за пределы круга. Недоступный для моего уровня вид пси-энергии.

– Не опасный? – почти механически встревожился Громов.

– За пределами четко очерченного круга (указка провела на полу окружность за пределами пыльной кучи) воздействия пси-энергии не отмечено. Объект анализу моего уровня не поддается.

– А я тебе скажу, что это за объект, – усмехнулся Олег, – тут все просто. Портал – так, кажется, это называется. Вот он меня сюда и перенес. Это первая, маловероятная версия.

– Есть еще, Олег?

– Как не быть? – парень теперь улыбнулся широко, как только мог, – скорее всего, это болезненная фантазия от удара по голове. Меня там, в моем настоящем, приучали к кнуту и прянику. Вот ты, Маша, и есть пряник. Здорово, да?!

Помощница не ответила. Скорее всего, ее электронные, или магические мозги – если они у нее вообще были – не были заточены под выверты человеческой логики. Если же она, и все остальное вокруг действительно была реальностью, данной в ощущениях...

– Ну, тогда я буду очень рад. Вот честно – лучше здесь, голышом в каменной гробнице, чем в том кабинете. Кстати – а почему голышом. Вот это что такое? Можно изобразить из нее что-то вроде тоги древнеримской?

Олег начал разворачивать отрез материи, только теперь определив ее как очень мягкую, и достаточно толстую. Что-то вроде шерстяной, плотно набитой ткани. Маша присоединилась к нему в этом занятии; ткнула в отрез своей указкой. И не смогла удержать на лице удивления, смешанного с изрядной долей восторга. Что естественно, не могло не вызвать удивления у Громова – сам он таких чувств пока не испытывал.

– Подумаешь, тряпка какая-то. Все равно ни раскроить, ни сшить из нее ничего не сумею.

– И не получится, – ухмыльнулась вполне по-человечески Маша, – это ткань из нитей арамских пауков. Разрезать ее даже мечом моего восьмого уровня нереально. Так же, как сжечь, или уничтожить другим физическим воздействием.

– Крупные, видно, в этой Арамии пауки водятся. У нас паутина это эталон тонкости, а тут...

Олег еще раз пощупал толстую ткань, ожидая, что Помощница удивит его еще раз. Удивила. И не один раз.

– Во-первых, Арама – так называлось королевство в мире Арахнов – не стало почти две тысячи лет до моего, так сказать, рождения. Вместе со всем этим миром. Тогда же, естественно, исчезли и эти знаменитые пауки. Так что ты сейчас держишь в руке очень древний, редкий и очень дорогой артефакт. Но я бы на твоём месте его продавать не стала. И никто другой бы не стал.

– Что-то я тут базара не вижу, – проворчал под нос Громов, теперь пробувающий ткань на ощупь уже двумя ладонями, – и комиссионного магазина тоже. Продолжай.

– Арамские пауки тоже были мелкими, и нити они «ткали» соответствующие. Только вот слоев этих нитей тут...

– Сколько? – не выдержал Олег долгой паузы и картинного закатывания девушкой глаз.

– Судя по тому, что точного анализа я с моими возможностями произвести не смогла, в руках у тебя артефакт не ниже десятого уровня. Значит, слоев паутины тут не меньше ста тысяч.

– Сколько-о-о?! – протянул, не поверив, Олег.

– Именно столько. А уровень, кстати, рассчитывается по самому низкому показателю.

– И много у него таких показателей? Больше, чем у тебя?

– Нет, конечно, – картинно оскорбилась девушка, – я же универсальный Помощник. А этот артефакт, каким бы навороченным он не был, создавался как одежда. Таким он и остался. Хотя, если интересно, могу и перечислить. Из того, что есть в моем информатории, и что в этом костюме точно должно быть.

– Давай, – махнул разрешающе Олег.

«Учительница» на этот раз ничего на доске писать не стала. Может, не захотела стирать строки своих возможностей, покрывавшие черную гладь доски почти до низу?

– Физическая и пси-защита Носителя; привязка к нему; трансформация; память, с возможностью видеоряда; автозарядка от носителя и внешних источников; маскировка; самоочищение и гигиена Носителя; мониторинг состояния и лечение Носителя; пространственные емкости. Кажется, все.

– И этого немало, – с уважением констатировал Громов, – насчет последнего я не понял, можно подробнее? Тут (он похлопал по ткани) никаких карманов не наблюдается. И весу в ней... моя курточка больше весила.

– Сказала же – арамские пауки, – не совсем понятно начала пояснять Маша, – полуразумные и пси-активные. Самые сильные – двенадцатого уровня. На момент моего создания самый высший уровень. Какой сейчас, точно не знаю. Скорее всего, намного ниже. Иначе не гонялись бы сейчас разумные за древними артефактами.

– Маша, это, конечно, неприлично – задавать девушке такие вопросы. Но ты сама начала... сказала «на момент моего создания». Так сколько тебе лет?

– Не могу сказать...

– Не можешь, или не хочешь?

– Создали, или точнее, изготовили меня в четыре тысячи пятьсот пятнадцатом году по летоисчислению Миров Содружества. «Прожила» я двести четыре года... до смерти Носителя. Он, кстати, был первым, и единственным... до тебя.

– Надо же, – прервал ее на этом слове Олег, поднеся к глазам жезл, – а выглядишь как новенькая.

Потом он перевел взгляд на проекцию «учительницы» и хмыкнул, словно подтверждая только что сделанный вывод.

– О сроках эксплуатации и гарантиях изготовителя не спрашиваю, – продолжил он, – надеюсь, на мой век хватит.

Теперь зримо хмыкнула и пожала плечами Маша. Видимо, сознание Носителя донесло до нее, что вопрос риторический, и отвечать на него не надо.

– Давай вернемся к костюму, – решил Олег за себя, а заодно и за Машу, – я так понимаю, что инструкция к девайсу не прилагается. И как он работает?

– Пункт третий – привязка. Это стандартная процедура. По крайней мере, в цивилизации Самах. Раз уж он здесь находится...

– Оп-па, – зацепился за новое слово Громов, – что за цивилизация? А впрочем, об этом потом и подробнее. Хочется все же одеться по нормальному. Не привык я, понимаешь, стоять голым перед женщиной – когда она одетая. Так что там с привязкой – еще раз.

– Кровь, – внесла ясность практически одним словом Помощница, – если качество твоей крови будет достаточно высокого уровня для активации «девайса», костюм арамских пауков будет твой.

– Он и так мой, – проворчал Олег, – законный трофей.

Одновременно какая-то часть сознания очевидно транслировала жезлу практически неосознанный приказ, и в торце, противоположной наверху, проклюнулся, а затем в нем фиксируемое глазом мгновение сформировался шип, назначение которого было ясным, как божий день. Еще и подсказка была – шип сформировался в форме медицинской иглы, какой берется анализ крови из пальца. Только размером она была раз в десять больше образца.

– Ну, надо, так надо, – обреченно вздохнул парень.

Он вообще не любил разных медицинских процедур; особенно связанных с вторжением в его организм. А кто их любит? Но что делать – назвался груздем...

Процедура прошла быстро, и практически безболезненно. Олег поспешил мазнуть пальцем, на котором набухла капля темно-красного цвета по ткани. Помнил, как совсем недавно быстро затянулись и исчезли раны на ладони. Вот и сейчас темная влажная полоса на продукте жизнедеятельности древних вымерших пауков медленно исчезла, а на пальце, который он, получается, вытер об отрез, не осталось даже точки.

– И что дальше?

– Пробуй, подай мысленную команду; хотя можно и голосом – вот как мне, – подсказала Маша.

– Ну, тогда..., – чуть запнулся Олег, – хочу что-то типа комбеза спецназовца; неброский и немаркий такой; с высшим уровнем защиты. Выполнять.

Медленно, тягуче потекли секунды. Но отрез как свисал с предплечья парня, так и продолжал висеть, не шелохнувшись.

– Ну вот, – Олег постарался сделать вид, что совсем не огорчился, – получается, рылом... то есть, кровью не вышел. Ну, ничего – пока так похожу, по древнеримски. А по случаю продадим. Вещь, наверное, недешевая. Статусная. Только бы до жилья добраться, да до рынка какого...

– Не спеши, – Маша явно прониклась его разочарованием, – слишком много потребовал от артефакта для первого раза. Я так понимаю, что здесь что-то произошло с участием вот этого (она ткнула пальцем в сторону пыльной кучи). Если я при этом разрядилась полностью, то и костюм арамских пауков определенно остался без зарядки. Есть, конечно, автозарядка. Ты пока не Носитель, а внешний пси-фон здесь очень низкий. Не считая вот этого (палец так и показывал в сторону кучи), но оттуда никакой энергии не исходит. Так что костюм, по-моему, просто не в состоянии сейчас создать защиту такого уровня. Надо что-нибудь попроще. Пока.

– Хорошо, – кивнул Олег, – тогда хватит второго уровня. Только помедленней, пожалуйста. Хочу видеть процесс. Выполнять.

Процесс действительно пошел. Медленно, как и просил, или велел новый Носитель. Отрез сам, словно его подхватили невидимые руки, скользнул с руки Олега и начал разворачиваться. В таком, развернутом состоянии – размером примерно два на два метра – он застыл на несколько мгновений, словно показывая товар лицом, а затем также медленно накрыл собой парня. Скользнул вниз, образовав отверстие, в котором появилась голова Громова; стек к ногам. Олег не почувствовал, как его поднимают от пола. Но когда его взгляд дошел до низу, обнаружилось, что ступни его уже не попирают камень. Точнее, попирают, но уже обутое в берцы. Носков, скорее всего под ними не было, но никакого дискомфорта от этого Громов не ощущал. Более того – появилось чувство защищенности – от самых кончиков пальцев ног до макушки. По которой он и хлопнул ладонью, тоже защищенной перчатками, форму которых он, скорее всего, видел в каком-то фильме или интернете.

– А ничего так, удобно, – кивнул он.

Пару раз подпрыгнул, наклонился, а потом еще раз хлопнул себя по макушке. На которой обнаружился какой-то головной убор, чего он до этого совсем не ощущал.

– Зеркала нет, – хмыкнул он, – поэтому делаем так.

Ухватившись за выпирающую вперед часть головной защиты, он стянул ее; повертел перед глазами. Обычное кепи защитного цвета никак не тянуло на нормальную защиту. А между тем, по уверениям Помощницы, она вполне заменяла стальную каску.

– А так?

Он нагнулся, и аккуратно положил кепи на пол. Собрался разогнуться и отступить на пару шагов назад, чтобы продолжить эксперимент. Но замер в таком вот неудобном положении. Не смотрел вперед, но чувствовал, что и фигура Помощницы сейчас замерла, отреагировав так на первый посторонний звук в их каменной гробнице.

Так обозвал огромный зал Олег. Хотя обследования его, в первую очередь на предмет выхода наружу, они с Машей так и не провели. Не успели. И вот теперь сверху, практически от центра купола раздались звуки – стук чего-то массивного. Поначалу единичные, редкие, а потом почаще; неведомый оператор кувалды, или другого долбящего инструмента поймал ритм и явно не собирался останавливаться.

– Мария! – голос Громова был на удивление спокоен, – кажется, у нас гости. Скоро они будут здесь (это он так отреагировал на мелкие камушки, вдруг посыпавшиеся со свода на пыль в центре зала). Есть какие предложения по встрече?

– Попроще надо выглядеть и победнее, – мгновенно отреагировала Помощница, – два таких артефакта это повод сразу же их отобрать. Будем, конечно, отбиваться... а оно нам надо?

– Нет, конечно, – согласился Олег, – действуй.

Единственное, что сумел ощутить парень, так это исчезновение из руки нагретого жезла. А оценить другие изменения он смог зрительно. Глянул прежде всего на кепку, которую так и держал в руке. Она не изменила фасон, и, наверное, свою защитную функцию. Но выглядела теперь так, словно Громов проносил ее не меньше года. И остальная часть костюма была ей под стать. А жезл, пять его килограммов, распределились так, что вместе с «подарком» от арамских пауков стала защищать своего нового Носителя в самых уязвимых местах, скрытая мягким материалом комбеза. Не вся – часть жезла трансформировалась в пояс, на котором висели ножны с коротким клинком – на левом боку, и что-то вроде кобуры с неизвестным пока оружием – на правом.

А через полминуты сверху посыпались целые каменные блоки – видимо, неведомый горнопроходчик повредил кладку, и теперь древние «кирпичи», размером в газосиликатный блок, один за другим падали на пылевую подушку. Не успела пыль в центре зала осесть, как сверху полетел уже совсем другой «блок» – живой, и что-то верещавший на весь зал. И голос, и фигурка, кувыркающаяся вниз, были определенно женскими. А Громов словно обрел новые способности – что-то вроде замедления времени; ну, или собственного ускорения. Он спокойно, внешне даже не торопясь, оказался как раз у той невеликой кучки блоков, разметавших ненадолго пыль, и на которые должна была упасть незнакомка. И руки подставил – как раз так, чтобы на них очень комфортно расположилась красивая, и очень недовольная чем-то девушка.

Глава 2. Мира Ройт, глава сквайда искателей

Этот рейд не задался сразу. Если не считать, конечно, того, что за целую декаду, в течение которой ее сквайд рыскал по развалинам столицы Древних, никто из них не получил даже одной царапины. И это – надо признать – была в основном заслуга его главы, Мира Ройт. Богатый опыт, хорошая подготовка к рейду и осторожность – вот главное, чем отличалась Мира. Сквайдов было много; опытных глав тоже. Но практически ни один из них не приводил свой сквайд из рейда в том составе, в каком он выходил из Борска. Профессия искателей была опасной. Пожалуй, самой опасной из тех, о которых знала Мира. Но и прибыльной – один удачный рейд мог озолотить сквайд; дать ему возможность жить припеваючи вдали от невзгод и опасностей. То есть, от развалин города Ушедших.

Но это скорее сказки для новичков. Разумные, ценящие комфорт и безопасность, в развалины не лезут, а тот, кто хоть раз попал в рейд, и вернулся из него живым, да еще с полной сумой артефактов Ушедших, жить спокойно уже не сможет.

– Может Ушедшие, уходя, оставили артефакты, которые тянут разумных к себе, и тем сильнее, чем больше проходит времени вдали от развалин?

Этот вопрос Мира задавала себе не в первый раз. Ответа на него не было. Зато был ответ на другой – пойдет ли она в следующий рейд? Конечно, пойдет. И не только из-за артефакта, которого, скорее всего, не было. Была другая причина – долг. Большой долг, в который пришлось влезть, чтобы вылечиться. Всем пятерым, после заразы, что подхватил сквайд две луны назад. Точно в таком вот рейде. О том, что в развалинах есть дома, и целые кварталы, куда заходить категорически не рекомендуется, знал каждый искатель. А Мира знала это лучше многих других. И многие из этих гибельных мест она отметила на своей карте, которую рисовала уже не первый год. С ловушками, не разграбленными домами, чья защита еще держалась, несмотря на бесчисленные зимы, которые прошли с катаклизма, поразившего Ушедших.

Мира была знакома с парой счастливых, которым повезло наткнуться на такие дома – когда они стали безопасными. Кстати, оба так и продолжили ходить в рейды, хотя у них-то золота должно быть столько, что можно было купаться в нем. Но нет – отгуляли и вернулись к опасному, привычному образу жизни.

Но были и ловушки, что мигрировали по развалинам. Не всегда различимые каким-то из чувств, и даже не доказанным, но вполне существующим, на ее взгляд, чувством искателя. Что это такое? Гремучая смесь из чувства опасности, нюха на захоронки Ушедших и веры, что на этот раз тебе точно повезет. В прошлый раз не повезло; и чуйка на опасность не сработала, И вернулись они почти пустые. А дома, в трактире «У ворот», где они снимали три комнаты на втором этаже на полном пансионе уже второй год, стало плохо всем. Жар, красная сыпь по всему телу, онемение почти всех частей тела...

Про такую болезнь они раньше и не слышали. Хуже, что про нее не слышал их знакомый лекарь Дауд. Извел на них половину запасов своих лекарств, но не вылечил. Хорошо – подтвердил, что дальше зараза не распространится. Иначе их бы не то что из трактира, из города выгнали бы, а, скорее, просто сожгли бы вместе с трактиром. И с его хозяином, конечно – хромым Миртом; бывшим искателем, кстати. Вот он и привел к постояльцам Целителя. Настоящего, окончившего настоящую школу, и имевшего большой опыт. Да еще ссудил сквайду, а точнее, ей – Мире – ровно две тысячи золотых. Меньше Целителю такого ранга даже предлагать было смешно.

А заначка, что оставалась в общей казне, практически вся пошла на подготовку. Пришлось даже дополнительно занимать у Мирта. Но это уже на еду, на три декады – обычный рейд искателей. Две из них, кстати, уже прошли, а заплечные суммы у сквайда, специально предна-

значенные для добычи, были практически пусты. И другие, с припасами, изрядно похудели. Так что...

– Мира! – негромко, но очень выразительно позвал ее Гром – правая Рука сквайда.

Глава этот тон здоровяка, отвечающего во время движения за правый фланг, отличала очень хорошо. Он означал, что Гром увидел что-то необычное. Знали и другие. Потому сквайд замер на месте, а потом, повинаясь одному лишь движению руки главы, ужасся в своем построении до таких размеров, что теперь каждый видел всех соратников. В прежнем, искательском построении, каждого из своих людей одновременно видела лишь Мира. При этом сквайд перестроился так, что углов у него стало три. Впереди, как и прежде, был Глаз сквайда, низкий, ниже даже Миры, и широченный до изумления дарф Артан, а Хвостов – именно так называли замыкающих – стало два. Альвы, два брата-близнеца, внешне совершенно обычные, а на деле стремительные, как дикие коты, и очень цепкие. Алай был левой Рукой, а Малай – Хвостом сквайда в обычном его построении.

Теперь в центре этого живого треугольника стояли двое – Мира и Гром. Стояли и разглядывали кладку неприметного здания, мимо которого они не один раз проходили, зная, что ничего ценного там нет. Кроме этой самой кладки, остатков некогда целых стен. Теперь же даже этих остатков не было. Точнее, были, но в виде обломков размером не больше детского кулачка, что расположились невысоким валом в виде правильной окружности, на который и смотрели все пятеро. Точнее, не на эти обломки, а на центр этого круга, который выдавался над уровнем окружающей поверхности на пару локтей. И он тоже был правильной формы – круглый, явно показывающий, что это лишь часть какого-то купола. И что внизу скрыто продолжение; как прикинула Мира, достаточно солидных размеров.

Теперь все смотрели на нее. Как скажет глава, так и будет. Все споры, обиды и жалобы – потом, после рейда. Скажет она сейчас, что нужно пройти мимо, и каждый пойдет, как велела глава. Или останется; но уже вне сквайда. Навсегда. Два раза в группу не берут.

– Смотрим, – кивнула, наконец, Мира.

И услышала, как выдохнули – с разной силой – ее товарищи. Громче всех, как обычно, Артан. Оно и понятно – грудная клетка у него была как бы не больше, чем у огромного Грома.

Сквайд перестроился. Опять у «звезды» было четыре острия, а в центре ее теперь был именно Артан. Кувалда с длинной рукоятью, которую он носил за спиной, в таких случаях была главным оружием группы. Для Артана – и рабочим, и боевым. Вооружены были все; каждый тем, чем владел лучше остальных. Близнецы луками и короткими мечами, Гром длинным копьем со страшным листовидным лезвием и мечом подлиннее. Ну, а сама Мира носила сразу две сабли. Небольшие, как раз под ее руки. Артефактные – из неизвестного металла. Их сквайд нашел почти три года назад тут же, в развалинах. И Мира с молчаливого одобрения группы оставила их себе. Даже не носила на оценку, и старалась не показывать их лишний раз на людях.

Первый удар кувалды по вершине купола показался каким-то слабым, неубедительным. Мире даже показалось, что тяжеленная, литая чушка едва не влетела в лоб хозяина. И не только ей. Гром – закадычный друг Артана – громко хмыкнул. Но кряжистый молотобоец не обратил на это никакого внимания. Он на несколько мгновений замер; даже поднял голову. Мире не было видно его лица, но он знала – сейчас он просто слушает. Оценивает состояние кладки и определяет место будущего удара. Слух у него действительно был абсолютным. А вот голос... Когда он, залившись пивом, или чем покрепче, начинал тянуть какую-то из песен своего горного народа, люди спешили покинуть трактир. А уж если к нему присоединялся Гром...

Второй удар вернул внимание Миры к Артану. А точнее – часть внимания. Потому что основной ее задачей сейчас было – обеспечить безопасность на свою четверть округи. Кувалда еще несколько раз бухнула беспорядочно, а потом заработала мерно и уверенно. Совсем недолго – гортанным возгласом Артан прервал свою работу, и отступил; теперь уже от провала. Высота купола уменьшилась на целый локоть. Естественно, не потому что молото-

боец вколотил вершину купола вниз. Просто вершины этой теперь не было. А было отверстие, в которое спокойно поместились бы в обнимку Артан с Громом. Только обнимались два друга исключительно после десятка кувшинов пива, или трех-четырёх вина. Здесь же...

Здесь, в рейде, первой в опасную зону шла именно она, Мира. Не потому, что она глава, и самая смелая. Или безрассудная. Просто у нее одной был слабенький, едва различимый Дар. Но его хватало, чтобы реагировали амулеты. А таких у сквайда было целых пять. Не самых сильных – четыре второго уровня, и один, самый ценный, третьего. Тот, который она носила на груди в виде медальона. И отвечал он, как говорил все тот же Дауд, единственный знакомый ученый маг, за левитацию. Нет – Мира не умела летать, но замедлить свое падение, спрыгнуть даже с высокой башни без всяких последствий – запросто. Остальные амулеты она носила на пальцах, в виде перстней, по два на каждой руке. Два защитных, лечебный, который показывал свое бессилие перед неведомой заразой, и один пока непонятный. Хотя Дауд определенно заявил, что сила в этом перстне есть. Только вот какая? Продавать его сразу не стали – надеялись пусть случайно, но определить его свойства. А цена на такой амулет вырастает сразу как бы не вдесятеро.

– А может, и себе оставим, – решила тогда Мира, – если полезный будет.

Полезный, естественно, для сквайда, для рейдов. Есть ведь и такие, что стоят сотни монет золотом, но здесь в развалинах, совершенно бесполезны. Например, «живые картинки»...

И опять сквайд перестроился, сплотившись еще туже. А в центре теперь была она, Мира. И ей принимать сейчас решение – как именно проникнуть в развалину. Но сначала нужно было осмотреть ее; прикинуть возможную опасность. Два перстня на правой руке вполне выдерживали несколько стрел в упор, или магический удар вплоть до третьего уровня. Как это получалось – амулет второго уровня, а держит третий, не смог объяснить даже Дауд. Что с него возьмешь – самоучка. До всего доходил сам, и не всегда так, как прописывала магия. Это он сам, Дауд, признавал. Тоже после очередного кувшина...

Внизу было, пожалуй, даже светлее, чем здесь, снаружи. Наверное, потому, что солнце уже скрылось за стенами развалин, и пора уже было определяться с ночлегом.

Безопасное место было совсем недалеко. Но бросать вот так, без проверки, новый, только что открытый схрон, было невозможно. Хотя безопасность, конечно...

– Можно совместить, – решила она, – проверим. Может, прямо тут и заночуем.

И опять наклонилась над провалом. И только теперь различила, что внизу, в зале, который она с первого взгляда посчитала пустым, кто-то есть. Кто-то, стоящий неподвижно чуть в стороне, у стены. Смерив расстояние до пола, и до незнакомца, Мира решила, лучшим решением сейчас будет просто спрыгнуть вниз. Падение ей не страшно, а возможный противник вряд ли посчитает опасным ее, упавшую с высоты...

– Полсотни локтей точно будет, – определила она, – а изобразить раненую, а потом «ножницы» из двух мечей у горла чужака я смогу легко.

Для правдоподобия она толкнула вниз еще несколько блоков, едва державшихся в кладке после сокрушительных ударов кувалды, и сиганула следом, издав крик раненой лани. Так она изобразила испуг и панику.

Как получилось? Да не очень хорошо. Потому что пришлось кричать непозволительно долго; в конце падения уже зло, с руганью. Совсем непонятно сработал амулет на груди. Он явственно нагрелся, и опускал хозяйку так медленно, словно превзошел свой уровень в несколько раз. И руки, которыми она собиралась выхватить из ножен сабли, стали непослушными и слабыми. Настолько, что она едва смогла их приподнять перед собой. А получилось, словно она собралась обнять парня за шею. Ту самую шею...

– Парня?! Какого парня?!

Кажется, она выкрикнула это вслух – прямо в лицо незнакомца, который, оказывается, держал ее на руках и куда-то нес.

– Куда? Куда ты меня несешь?! Опустим немедленно!

Понял ли он Миру? Судя по недоумению, что отразилось на его лице, не совсем. Но на ноги ее поставил. Бережно так, аккуратно. Даже руку поднял, словно собрался оправить что-то в ее походном наряде. Но прочел, наверное, что-то в ее лице, и отступил. Но восхищение в его глазах Мира прочесть успела. Конечно, было приятно, что там говорить. Но дело прежде всего. А такое опасное и, вполне возможно, прибыльное – тем более. Хотя последнее пока не проглядывалось. Зал, в котором она оказалась, был пуст. Если не считать, конечно, нескольких неопрятных куч – одну посреди зала, и дюжину вдоль стен. Но в них, была уверена Мира, вряд ли можно было найти что-то путное.

– Если и было, – решила она, – этот уже покопался. Я бы точно без внимания не оставила. Да и любой другой искатель тоже. Искатель? Не очень-то он и похож. И да – как он здесь оказался? Не вижу пока ни дверей, ни... ну, это по части Артана. Артан!

Последнее уже вслух; одновременно с пристальным, и совершенно бесцеремонным разглядыванием незнакомца. А что – он смотрит на нее еще нахальней. Ну, что сказать? Обычный парень. Светленький, достаточно высокий, но не очень сильный на вид. Одет в поношенный, но чистый костюм. Не очень привычного вида; примерно такие носят лесные разведчики. Сама Мира в лесах, не считая Злого Леса, в котором гулять категорически не рекомендовалось, никогда не была. Но бывших разведчиков среди искателей попадалось немало. Опытные ребята, осторожные. Этот на лесного не похож.

– Мира? – донеслось сверху.

Это Артан, и не в первый раз – вон какой голос обеспокоенный. Да, задумалась глава, загляделась...

– Спускайся, – крикнула она в ответ, – пока один.

Пока – это будет видно после того, как поработает Артан. Если найдет что-нибудь в стенах, останутся здесь. С ночевкой. А нет... Пойдут дальше, как и планировали. Ну, и парню помогут выбраться – ей же он помог. Хотя этого совершенно не требовалось.

Наверху что-то зашуршало – это посыпались вниз мелкие камни. Но звука их падения она не расслышала, и это почему-то напрягло Миру. Так и должно быть здесь, в развалинах. Все непонятное – опасно. Темное пятно, отделявшее этот каменный зал от внешнего мира стало, практически черным. Это его перекрыл своим почти квадратным телом Артан. Глаз ее сквайда был очень тяжелым. Таким тяжелым, что обычный человек вряд ли сумел бы опустить его на веревке вот так аккуратно, без рывков. Скорее всего, вообще не сумел бы удерживать. Но наверху за ту же веревку, свитую из множества пропитанных специальным составом полос кожи, держался не обычный человек. Гром, по ее прикидкам, превосходил силой такого «обычного» раза в четыре. Это в спокойном состоянии. А в ярости его мог удержать разве что Артан. Или слово Мира.

Теперь же он – глава словно воочию видела это – перебирал руками веревку, конец которой на всякий случай держал Алай, мерно и на вид так легко, словно на ней никто и не висел. Малай сейчас, конечно же, оглядывал окрестности. С луком в руках. Все шло так, как должно было идти. Шло... до того момента, когда Артан оказался над полом на высоте, едва превышавшей его рост. То есть, до пола, до пыльной кучи на нем, оставалось не больше четырех футов. Артан вдруг всхлипнул, и выпустил веревку из рук. И повалился мешком в эту самую пыль.

Мира сработала на инстинктах – бросилась на помощь, и... едва сама не повалилась сверху. И тело, и мысли стали медленными, тягучими. Почему-то не было страшно. Даже захотелось расхохотаться – это она представила себе, как будет потом подшучивать Артан, а вслед за ним и Гром: «Ну, вот – все-таки легла рядом со мной...».

Шутки кончились – вместе со слабостью и непонятным умиротворяющим эффектом. Это, как оказалось, ее выдернули из непонятного кокона (явно магического) руки незнакомца.

Выдернули бесцеремонно, почти грубо. Но Мира не была в обиде. Потому что решила, все еще лениво и расслабленно, что так и надо действовать. Чтобы помочь потом Артану. И опять беспричинная веселость.

– Посмотрим, как он нашего Артана поднимет!

Не поднял. Нагнулся, побряхтел, но не справился. Недаром Дауд утверждал, что в жилах Глаза сквайда течет кровь каких-то модификантов. И что мясо его настолько плотно, а кости массивны и тяжелы, что варить его нужно было бы целый день – с утра до вечера. Если кому-то пришла бы такая блажь в голову. Еще Дауд тогда добавил, что мясо его, скорее всего, невкусное, и Артан может не беспокоиться. Шутил, наверное. Мира и сама сейчас нервно хихикнула, и тут же одернула себя. Она медленно приходила в норму, понимая, что веселость ее явно не собственная, привнесенная. А значит, в ход пошла магия. Потому она и не сдвинулась с места, не ринулась теперь на помощь незнакомцу – когда он все-таки признал себе, что поднять тяжеленное, хоть и не такое крупное тело не в состоянии.

– Зато может тащить его. Молодец, сообразил.

Парень ухватился за короткие ноги Артана, и с видимым усилием потащил его по пыли к голым камням. Очевидно, эта серо-зеленая мелочь под ногами была сродни хорошей смазке. Потому что до границы с голым каменным полом – локтей шесть, не больше – парень волок тело достаточно легко и быстро. Так же легко преодолел невидимый барьер; с ногами Артана в руках. А потом чуть не выпустил их из рук, когда Глаз сквайда, сейчас явно беспамятный, наехал на камень своей задницей.

– Ага, все-таки выпустил, – констатировала глава, – понял, что не утащит.

Тут она все-таки рискнула двинуться вперед. Вдвоем они с трудом, но вытолкали, перекатили тяжелое тело за пределы пыльного круга, теперь потерявшего правильные очертания. И сели – рядом с Артаном, на удивление быстро открывшим глаза. Но до того Мира все же нашла в себе силы выразить признательность. Нет, конечно, не обняла парнишку, и, тем более, не поцеловала. Еще чего! Просто похлопала его по плечу – раз, и...

– Ай! – резко отдернула она руку, не хлопнув во второй раз.

Что-то острое на плече, невидимое, но от того не менее опасное, «клюнуло» ее в ладонь, и Мира уставилась на нее. Ладонь окрасилась кровью, из неглубокой ранки, и тут же скрылась – это ее накрыла вторая ладонь, с лекарским перстнем на пальце. Руку знакомо защипало, и глава, досчитав про себя до десятка, отняла ладонь, чтобы убедиться – амулет и теперь работает как надо. А вот в лице парня, все же устроившегося на каменном полу рядом с ней, она не прочла даже капли изумления. Очевидно, про амулеты он знал не понаслышке.

– Что это было? – прохрипел Глаз, – не помню ничего.

– Сорвался, – пожала плечами Мира, сидевшая рядом с его головой, обняв руками колени; парень уже встал и отошел в сторону, явно с любопытством прислушиваясь, – в обморок упал.

– Нет, – затряс головой Артан, оторвав ее от каменного ложа, – такого со мной случиться не могло. Скажи – ты ведь пошутила...

– Не в рейде, – отрезала глава, – после будем шутить. Как ты? В состоянии?..

– Да я!

Артан действительно вскочил на ноги. Ну, как вскочил? Поднялся, сдерживая крик, сначала на колени; потом на них же привстал, и только следом утвердился поочередно на обоих ногах. А вот кувалду свою из-за спины выхватил почти так же уверенно и молниеносно, как прежде. И повернулся к парню, который не на шутку испугался. Да и кто бы не испугался, когда на него надвигается массивная фигура, размахивающая огромным молотом на длинной рукояти.

– Артан! – остановила его агрессию глава, – не тронь парня. Он только что вытащил тебя из задницы.

– Какой? – на удивление резво повернулся к ней Глаз.

Он явно пришел в норму; неожиданно быстро. И определенно не помнил, что произошло с ним совсем недавно.

– А я знаю? – почему-то улыбнулась Мира, – вот у него и спроси.

– И спрошу, – чуть угрожающе кивнул Артан, – еще как спрошу. Ты кто, парень? Ты откуда тут взялся? И что тут делаешь?

Незнакомец лишь развел руками и покачал головой. Словно показывал – слов не понимает. Наконец, это дошло даже до тугодума Артана. Он одним движением развернул свое оружие так, что рукоять кувалды оказался на полу, а ее массивная чушка как раз под подбородком горца – так он себя иногда называл. Ловко это у него получалось. Теперь он стоял, опустив подбородок на тяжелый металл, и разглядывал парня больше с любопытством и недоумением.

– И откуда ты такой взялся, что не знаешь общего языка? Может, на нашем, горском поймешь?

И он выдал несколько гортанных фраз, в которых сама Мира не поняла даже одного слова. Но некоторые она слышала и раньше; те, которыми Артан часто перемежал брань на общем. Парень, судя по всему, этого тоже не понял.

– Ну, ладно, – горец словно потерял интерес к незнакомцу, хотя это было совсем не так.

Он даже повернулся к нему спиной, а к ней, Мире, лицом. Кувалда опять была в руках. Хотя – глава была уверена в этом – он и сейчас отслеживал любое движение парня. Впрочем, как и она сама.

– Будем смотреть? – спросил он.

Спросил, в общем-то, впустую. Для того его сюда и опустили, чтобы он «посмотрел». Точнее, простучал стены в поисках тайных пустот в них. Но спросить был обязан.

– Смотри, – кивнула Мира, – ну... и я посмотрю.

Это она имела в виду парня, с подтекстом Артану – не отвлекайся, я присмотрю.

Одним ловким, а сейчас даже показательно залихватским движением тот отправил свое грозное оружие за спину, в крепление, и выхватил из сумы, что также висела за спиной, другой молоток. Точнее, молоточек, который едва выглядывал из его широченной ладони. И уже с этим орудием подступил к стене, пройдя мимо двух каких-то подозрительных куч. Мира любила наблюдать за мастером во время его работы. А Артан был действительно Мастером с большой буквы. И молоточек в его руке сейчас выписывал не просто стук. Это была песнь искателя, оборвавшаяся так резко, что вздрогнули вдруг и Мира, и парень, с которого она все же не сводила взгляда.

– Здесь, – погладил стену ладонью Артан, – здесь что-то есть. Наверное...

Молоточек опять зачастил – теперь едва слышно. А вслед его движению двигалась и вторая рука горца, «вооруженная» сейчас черным камнем, оставлявшим на таких вот светлых поверхностях жирный маслянистый след. Мира успела вздохнуть два десятка раз, как на стене оказался вычерчен периметр какой-то скрытой ниши.

– Скорее дверь, – словно прочел ее мысль Артан, – наверное, с каким-то механизмом. Будем ломать?

– Не сейчас, – ожидаемо ответила глава.

Да горец и сам знал, что начинать сейчас долбить стену не время. Сейчас самое время подкрепиться и отдохнуть. Долгий день, в котором была только одна передышка, после осмотра хитрого тайника, оказавшегося пустым, уже закончился, а в новый надо было вступать сильными, отдохнувшими. И это тоже было законом для искателей. Распределить силы правильно, на весь рейд, было не просто. Единственное, нужно было сейчас решить – оставлять ли наверху наблюдателя. Ведь случись чего, и они окажутся тут, внизу, в ловушке. Но теперь, когда Артан отыскал замаскированную дверь, пусть ведущую в неизвестность, может, в никуда, чаша весов склонилось в сторону решения, когда можно будет отдохнуть здесь всем скайдом, впятером.

– Вшестером, – поправила она себя, глянув на парня.

Тот кстати, смотрел как-то непонятно, словно сквозь нее. Будто разговаривал с кем-то невидимым. Даже губами едва шевелил. Но теперь почувствовал, наверное, ее взгляд, и поджал губы; совсем по-детски. Мира фыркнула, и крикнула – так, чтобы ее голос едва донесло до отверстия в куполе:

– Гром, слышишь меня?

– Слышу, – прошелестело в ответ чуть громче.

– Крутани-ка веревку.

Правая Рука сквайда понял; раскрутил витой канат так, что нижний конец его начал описывать окружность – все большим и большим диаметром.

– Достаточно!

Мира стояла у самого края пыльного пятна, над территорией которого она только что провела эксперимент – проткнула рукой незримую границу. И тут же отдернула ее, почувствовав, как последняя практически сразу начала неметь. Следующим движением, той же рукой, она поймала конец каната. И тотчас отбежала подальше. Хотя даже в шаге от пыльного пятна не чувствовала никакой опасности.

– Я и ту заразу не почувствовала, – укорила она себя, сделав паузу перед тем, как отдать следующую команду, – может, все таки наверх? Там не так опасно?

Впрочем, в развалинах было опасно везде. Перевесило, наверное, спокойствие незнакомца, с любопытством глазевшего на нее – так же, как совсем недавно на Артана. Всучив конец веревки в руку Артана, она кивнула в сторону очерченного черным камнем участка стены: «Натягивай!». А потом, через десяток ударов сердца, крикнула уже вслух:

– Алай, Малай – вы первые. Гром – на дыру плат набросишь, и следом за ними. Оглядишь только там напоследок.

Ночью жизнь в развалинах замирала. Она и днем была не очень оживленной. Редко когда сталкивались два сквайда. Как правило, они резко расходились – каждый в правую для себя сторону. Дружба, приязнь или вражда оставались там, за пределами развалин. Хотя были случаи, когда искатели при таких вот встречах превращались в грабителей. Но такие сквайды долго не жили.

Алай, а вслед за ним и Малай скользнули вниз. Ловко и бесшумно, как всегда. И сразу разбежались к стенам, образовав треугольник, одним из углов которого был незнакомец. И стрелы, наложенные на луки, уже нацелили в него. Но без команды главы стрелять, конечно же, не станут. Правильные были парнишки. Правильно воспитанными. Вот как раз их отец и был одним из лесных разведчиков, осевших в городе. А парень сейчас вроде не испугался. Может, луки со стрелами, совсем крошечные, так подействовали? Или сами близнецы, смазливые настолько, что переодень их в платья, и от девок будет не отличить. Зря – и луки у них настоящие, боевые; и владеют они своим оружием на загляденье. Махни она рукой, и две стрелы одновременно окажутся... да хоть в глазах у парня. Но она махать не будет. Пока...

Гром опускался неторопливо, солидно. Незнакомец опять округлил глаза от изумления. И неудивительно! Крошечный, по сравнению со степняком – так называли иногда Грома – горец легко удерживал руками его массивное тело. Точнее, не тело, а канат – по-прежнему натянутый как струна. Лицо же самого Грома, наконец-то утвердившегося своими огромными сапогами на камне, было невозмутимым, как и всегда.

– Нет, не всегда, – в который раз поправила себя Мира, – когда они с Артаном распечатывают третий или четвертый кувшин вина, оно как раз заполнено эмоциями. Но это там, в городе, в трактире...

– Нашел, – констатировал Гром, – ткнув толстым пальцем в сторону контура на стене, – будем вскрывать с утра.

Это был не вопрос; просто констатация факта. Который глава могла и опровергнуть, велев приступить в работе прямо сейчас. Делать чего, конечно, не стала.

Незнакомцем Гром не заинтересовался. Внешне не заинтересовался, едва мазнув по нему взглядом. Но на самом деле оценил его; прежде всего бойцовые качества и возможную угрозу с его стороны. К удивлению Миры, степняк отнесся к парню достаточно серьезно; видимо, сама она в нем что-то не разглядела. Но это было не важно. В полном составе сквайд мог противостоять даже не слабому магу.

– Вот, – поняла она, наконец, – магу! Почему парень спокойно рассказывает там, куда я даже руку боюсь сунуть. Может, он действительно маг? Тогда почему не знает общего? Дикий, необученный? Интересно... кажется, я уже начинаю строить на него планы.

Неожиданно она рассмеялась. Негромко, но действительно неожиданно для всех. Просто поняла двусмысленность высказанной себе фразы. И продолжила про себя на отвлеченную тему, поняв, что ее смех разрядил обстановку в зале:

– Мальчик, конечно, приятный. Свеженький... на вид. Хотя, если маг, то может оказаться старше меня... в несколько раз. Но правил своих нарушать нельзя – в сквайде ни с кем и ни при каких обстоятельствах. Хотя... парень-то пока не в сквайде. Вот именно – пока...

– Ужин сегодня будет? – проворчал Артан.

Проворчал больше для проформы – за питание отвечал как раз он. Просто у него получалось вкуснее; даже в их походных условиях.

– Накрывай, – разрешила ему глава.

Сквайд в рейде вообще был немногословным; неприметность была одним из условий его существования. Так что она могла ограничиться кивком. Но почему-то захотелось заполнить пустой гулкий зал голосом, жизнью. Так что решила – если после ужина Артан с Громом надумают затеять негромкую перебранку, она осаживать их не станет. Не маленькие.

Вместо стола сегодня у них был еще один плат, обеденный. А вместо стульев – у каждого свое. У самой Миры это был мягкая, в развернутом состоянии размером как раз по ее росту и толщиной в ладонь, подстилка, найденная тоже в развалинах. Она скатывалась так, что легко уместилась бы в колчан одного из близнецов. В развернутом состоянии служила ложем, на котором можно было спать даже на снегу. Так определил горец, Артан. Сама Мира снега никогда в жизни не видела, и видеть не хотела. Теперь эта подстилка, сложенная вшестеро, позволяла ей сидеть вполне комфортно. Сидела она во главе импровизированного стола, с узкой его стороны. По правую сторону близнецы, на общем покрывале; с виду тоже мягком и удобным. У Артана с Громом, что сидели слева, тонкие циновки были у каждого своя, но одинаковые. Как знала глава, где-то их раздобыл степняк, и подарил одну другу. Хотя последнему, как была уверена Мира, было все равно, на чем сидеть – лишь бы еды было побольше и повкуснее.

Вот с этим были проблемы. Много в рейд просто не унесешь, а дичи в развалинах не водилось. Летали какие-то птицы – черные, угловатые и молчаливые. Схожие с воронами, но более крупные и какие-то угловатые; не каркали. И на людей не нападали, хотя часто сопровождали движение сквайдов. Но такую добычу Мира ни за что не решилась бы попробовать; даже приготовленную Артаном.

Так что на ужин у них были полоски вяленого мяса, разложенные на плоских небольших блюдах и лепешки каменного состояния – каждому по одной. Всего шесть, потому что парню Мира кивнула на место против себя. Обычно оно было свободным. Тот отказываться не стал; присел прямо на голые камни. Поначалу попытался повторить позу степняка, с поджатыми ногами. Не получилось, и он, улыбнувшись, просто сел боком, вытянув ноги в сторону. Проблема была в одном – пили искатели каждый из своей фляжки, которые экономно пополнялись из бурдюка, что таскал на своей спине Гром. Кислое вино, сильно разбавленное водой. В бурдюк еще что-то подсыпал Дауд; за отдельную плату, конечно. Дорого, зато напиток не портился, не скисал, и утолял жажду в несколько раз эффективней, чем просто вода, или

то же вино – по отдельности или вместе. Иначе такие бурдюки пришлось бы таскать всем; и все равно на стандартные три декады рейда не хватило бы. А пить что-то в развалинах себе дороже.

У незнакомца фляги не было. Да у него вообще ничего с собой не было, кроме одежды и оружия на поясе. Интересного такого оружия – вон как заинтересованно посматривает Артан на поясную сумку незнакомца. Интересно, как он будет выходить из положения; попросит ли попить? Интересно было не только ей. Разве что Артан не удержался, и с громким хрустом отгрыз кусок лепешки. А Гром в первую очередь так же шумно отхлебнул из фляжки. Ну, и парень тоже протянул руку к тарелке, что поставил перед ним Артан. Поднял длинную и тонкую полоску вяленого мяса; разглядывал ее долго. Но все же решился, сунул ее в рот и попытался откусить кусок. Куда там – тут надо было иметь опыт. А его у парня явно не было. Вытащил, посмотрел на него с удивлением и какой-то обидой. А потом...

Мира даже не заметила, откуда у него взялся нож. Судя по тому, как легко он покроявил полоску на куски, ножик был острым. А вот владел им парень как-то неуверенно. Но это не помешало ему спрятать оружие так же ловко. Посмотрев на соседей по столу, едва заметно усмехнулся и отправил в рот один кусок. Мира даже представила сейчас вкус мяса в своем рту – в меру соленого и перченного. Как говорил Артан: «К пиву – самое то!». И она сейчас не удивилась бы, если бы незнакомец повторил эту фразу. Но, судя по всему, ни одного слова на общем он действительно не знал. Вот он прикрыл глаза, протянул вперед руку, и...

Лишь большим усилием воли Мира заставила себя остаться на месте. А вот остальные – четверка из сквайда – вскочили на ноги в изумлении. Еще и за оружие схватились, каждый за свое. А парень медленно открыл глаза, уставился непонимающим взглядом на кувшин, появившийся на плате перед ним, и пожал плечами. Он обвел взглядом всех, чуть дольше остановившись на Артане – больно уж тот шумно дышал, втягивая своим широким носом, поросшим редкими темными волосами запах, что так аппетитно исторгал из себя кувшин. Мира пиво не очень уважала, но вот этот ядреный запах из кувшина, который, казалось, заполнил все пространство зала, едва не заставил ее захлебнуться слюнями.

Парень, тем временем, пришел в себя, и еще к какому-то выводу; потому что опять опустил веки, теперь уже не прижимая их плотно – явно подсматривал. И увидел, наверное, как и все остальные, как вокруг кувшина – большого, примерно на половину их походного бурдюка, материализовались кружки. Ну, или бокалы – к пиву, по мнению Миры – они никакого отношения не имели; скорее, были предназначены для вина. Хотя прежде глава посуды таких форм никогда не видела. Как и кувшина, кстати.

Артан, усаживаясь, засопел еще шумнее. Его явно терзало нетерпение, и желание ухватиться за ручку кувшина; возглавить, так сказать, процесс. Но тому мешали три вещи – разрешение главы, которая вполне могла запретить пьянку, пусть такую слабенькую, в рейде. Вторых, пить чужой напиток и из чужих рук было просто опасно. Ну, и в-третьих, и это было, пожалуй, главным, и никогда не нарушаемым – первый бокал должен был наливать угощающий. Или трактирщик. Вот потом – да, как дело повернется. А пока...

Парень, не ожидая, разрешения Миры, аккуратно разлил чуть шипящий пеной напиток по бокалам. Не так уверенно, конечно, как это сделал бы Артан, но ни капли не пролил. И первым отпил из своего бокала, предварительно понюхав его содержимое. Для Миры это не было показателем. Как и тот вывод, что сильному магу – а незнакомец, показывающий такие чудеса, не мог им не быть – совсем незачем их травить. Он мог отправить в небытие всех пятерых одним щелчком пальцев. Но все же...

Она взяла бокал и тоже отпила. Точнее, задержала глоток во рту. Организм завопил: «Глотай, и еще, и еще!». Но глава слушала не его, а другую часть ощущений, которые были направлены к пальцу с лечебным амулетом. Перстень не мог распознавать яды. Но – как только один из них попадал в женский организм, он начинал бороться. Не важно, с каким результатом; главное, что Мира этот процесс ощущала. Сейчас ничего подобного не было, и она, кивнув (это

уже для всех) приложилась губами к краю бокала за вторым глотком, третьим – и так далее, пока не показалось дно бокала.

Закрыла глаза, наслаждаясь вкусом пусть не совсем любимого, но необычного, и явно очень дорогого сорта. И так, не глядя, знала, что сейчас творится за «столом». Близнецы, образцы этикета, отпивают пиво мелкими глотками, улыбаясь и выражая своими красивыми личиками благодарность, восторг, ну, и много еще чего – но в меру, равными пропорциями. Широкое костистое лицо Грома, как обычно, не выражает ничего. И пьет он редкими, но долгими глотками. А вот Артан свою первую порцию уже выхлебал; шумно, чуть ли не давясь, и теперь тянет свои загребушие руки к ручке кувшина.

В последнем она ошиблась. Глаз сквайда, оправдывая свое название, сейчас внимательно рассматривал бокал, который почти утонул в его широченных ладонях. Потом обнюхал его, и даже попробовал укусить. А потом вынес вердикт – окончательный, не предполагавший сомнений:

– Золото! Очень качественное. Старое, теперь такого не делают. Если и кувшин такой же...

Он все же ухватился за ручку, которая в его лапище не казалась такой уж массивной, и повторил процедуру осмотра, которая длилась много дольше – чеканных, или литых узоров на нем было гораздо больше, чем на бокале. Потом кивнул, подтверждая последнее свое предположение, и все же разлил пиво по бокалам, которые к этому моменту все были пусты.

Мира правильно поняла вот эти: «Если и кувшин такой же...». Если этот набор унести с собой в качестве добычи, то хватило бы и на долг, и пожить пару месяцев в городе, ни в чем не отказывая, и на пару новых амулетов уровнем повыше... И отложить на потом – у того же Мирта, или в хранилище у родичей Артана.

– А потом снова в рейд...

Легким усилием воли она отбросила несбыточные мечты. Мечты, в которых этот парень, оказавшийся сильным магом, подарит сквайду этот золотой набор.

– Ну, хотя бы за то, что мы открыли для него путь к свободе...

И сама же расхохоталась, в душе. А парень, которого она называла так по привычке – он мог быть старше ее не в несколько, а в десятки раз – продолжил их удивлять. Благо, что не в ущерб здоровью; скорее, напротив. Поднеся левой рукой к носу еще один кусок вяленого мяса (в правой был полный бокал) он с видимым сомнением покачал головой, и опять закрыл глаза. Замерли все, даже Артан, с кружкой у рта. Остановил движение даже его кадык, поросший таким же редким и грубым волосом, как и нос, и все лицо. Да и все тело тоже. Артан не очень любил обнажаться перед чужими. Перед Мирой он, конечно же, разделся бы, и с великой охотой, только вот глава к этому повода ни разу не дала. Но иногда приходилась врачевать; перевязывать, вытаскивать из ран посторонние предметы. Так что внешние особенности организмов членов сквайда его главе были знакомы.

Пауза, в которой все усталились на палец мага, устремленный в свободную середину «стола», затянулась. Так сильно, что Мира решила – «меню» перед глазами его столь обширно, что парень никак не может выбрать блюдо. И именно в это мгновение он, наверное, выбрал.

Теперь на плате стояло блюдо. Большое, размером с малое тележное колесо. Ложки теперь парень предоставил сразу, без паузы. Заполнено блюдо было горой чего-то пока непонятного, но очень вкусного – судя по запаху, которое источал этот, словно только с очага, шедевр. Впрочем, приглядевшись, Мира определила, что по отдельности продукты, что пошли на это блюда, ей вполне знакомы. Рис, мясо, морковь... Но вот так соединить их, чтобы каждая рисинка была заполнена ароматным маслом, и светилась изнутри, словно маленькое солнце... а мясо, обжаренное так, что снаружи была тонкая, хрустящее корочка, а внутри вместе с волокнами, что буквально таяли во рту с собственным соком, сохранившимся, и превратившимся в какой-то нектар...

Мира наконец-то отвалилась от стола, и замерла с легкой улыбкой на лице, наблюдая, как сквайд, а вместе с ним и незнакомец, ставший уже почти своим, никак не оторвутся от блюда, содержимое которого едва уполовинилось. Почему-то пришла уверенность, что этот рейд станет самым удачным в ее карьере искателя.

Глава 3. Олег Громов и Маша, Малый Помощник цивилизации Самах

Женщина, которую Олег так ловко подхватил на руки, явно была чем-то недовольна. Скорее всего, им, Громовым. Недаром же она попыталась ухватиться ладошками за рукояти двух сабель, которые были как-то хитро закреплены на спине. Косвенно это подтвердила Помощница, которая с появлением нового лица, и в процессе трансформации основного «тела», своего виртуального образа не поменяла. Даже подошла поближе, уставившись заинтересованно на спасенную.

– Незачем было спасать, – буркнула она на последнюю мысль Олега, – не разбилась бы. Разве что вон там, на месте разрушенного портала ее пси-матрица пострадала бы. Если у нее она, конечно, есть. Надо проверить; взять кровь на анализ.

– Это подождет, – отмахнулся Олег; тоже мысленно, – что там насчет спасения... точнее, насчет того, что зря я старался?

– Это просто, – начала объяснять Помощница; в то время, как парень аккуратно ставил незнакомку на ноги, – у нее сразу несколько действующих артефактов. Слабенькие, изготовленные каким-то криворуким артефактором. На груди (указка «учительницы» подросла и коснулась острием медальона на внушительной, аппетитной такой груди незнакомки) артефакт, отвечающий за левитацию. Если по-простому – уменьшает силу притяжения примерно... раз в пять. Летать она, конечно, не может, а вот прыгнуть с любой высоты без боязни разбиться запросто.

– Это я лопухнулся, – признал Олег, – ну, хоть порыв мой она должна оценить?

Маша на это заявление лишь хитро усмехнулась, показав тем самым, что парень не потерял способности к самоиронии.

– На пальцах еще четыре артефакта. Нет, три, – поправилась она, – два защитных, от физического и пси-воздействия, и лечебный. Все три еще слабее, чем первый. По шкале Самах не тянут даже на первый уровень.

– А последний, четвертый?

– Последний кто-то криворукий не доделал. Пытался сделать боевой, но не получилось. Так что этот перстень опасен прежде всего для своей владелицы. Стоит только подать в этот камень-накопитель, – указка коснулась огромного камня красного цвета в перстне на указательном пальце правой ладони незнакомки, – избыток пси-энергии, и она останется без руки, а может, и вообще всего тела. Ну, и рядом стоящие страдают.

– Пряма граната какая-то, – опасливо констатировал Олег, невольно отступая на шаг, – а она сама не взорвется? Ну, или эта вот так же случайно подаст тот самый избыток... ну, или не случайно.

– Сама не взорвется, – чуть улыбнулась на его опасливость Маша, – а есть ли у нее необходимое количество пси-энергии? Говорю же – надо проверить.

Незнакомка, тем временем, что-то говорила; что-то непонятное, на что Маша покачала отрицающее головой (значит, не поняла ни слова), а Олег повторил ее жест, при этом достаточно глупо (как он сам подумал) улыбаясь. Тогда женщина крикнула что-то кверху; очевидно, к своим соратникам. А вслед за криком выросла и указка, позволившая хоть как-то определить, кто это там заглядывает в провал.

– Двое, – уточнила Помощница, – и еще не меньше двоих не вижу.

– Как определила, если не видишь?

– Это команда, – последовал ответ, – и достаточно опытная, судя по первому ее представителю. А принципы работы в команде во всех цивилизациях и мирах должны быть примерно одинаковыми. По крайней мере, так забито в моей программе.

– Мирах..., – протянул Громов, – впрочем, об этом тоже потом, Что нам сейчас делать?

– Ждать. Наблюдать. Собирать информацию. Делать выводы.

– Ждать – это я. Ну, и наблюдать тоже, – распорядился Олег, улыбнувшись, – все остальное за тобой.

– Принято, – кивнула Маша – словно не должна была делать все это по определению.

– По программе, которая забита в нее, – вспомнил последние слова Маши Олег.

– Вот именно...

Между тем один из тех, кто заглядывали в провал, начал спускаться вниз, подвешенный на каком-то канате. Снизу он выглядел каким-то коротким и широким; почти квадратным. Но по мере того, как опускался (вернее, его опускали) вниз, впечатление это не менялось. Дело было не в искажении перспективы; человек этот действительно был таким непропорционально широким

Но разглядеть его в подробностях сразу не получилось – незнакомец вдруг отпустил кончик каната, с которого свисал подобно тяжелой гире, и рухнул в порталную пыль. Не высоко, и, наверное, совсем не опасно – если не помнить о том, как обмякла в руках Олега на этом месте незнакомка. Она, кстати, тут же ринулась на помощь своему товарищу; или кем он там ей приходился. И тоже предсказуемо вляпалась. В пыль, которая, как был уже уверен Олег, обладала мощными свойствами, которые Маша обзывала не совсем понятным термином «Пси». Как он оказался рядом с границей круга, не понял и сам. Продолжил осознанно руководить своими действиями лишь в тот момент, когда его рука, уцепившаяся в куртку незнакомки, выдергивала последнюю за пределы опасной зоны. А потом, решившись, ступил на пыль, опять собравшуюся правильным кругом, уже по собственной инициативе.

Незнакомец, лежавший в пыли лицом вниз, оказался невероятно тяжелым, несмотря на совсем невеликие габариты.

– Широкий, конечно, – удивился Олег, – но в высоту мне разве что по пупок будет. А весом как бы не в два центнера...

– Модифицированный организм, – подсказала Маша, не решившаяся даже в виртуальном образе последовать за ним, – по внешним данным, дарф. Точнее могу сказать после анализа крови. А сейчас поспеши, Олег Сергеевич. Моя зарядка уменьшается непозволительно высокими темпами. Примерно в три раза быстрее, чем происходит автоподзарядка от Носителя.

– Да я бы и рад побыстрее, – пропыхтел Олег, переваливая коротышку на спину – что бы не задохнулся, – только не получается. Придется так кантовать.

Он ухватился за толстые ноги, обутые в короткие сапоги из кожи неизвестного животного, и потащил его за пределы круга; на удивление легко. Пыль работала словно сухая смазка, так что волоочь незнакомца было как бы не легче, чем по накатанному снегу. До тех пор, пока коротышка не съехал задницей, облаченной в кожаные же штаны, на каменный пол. Вот тут пришлось бы совсем туго, хотя Маша успела предупредить, что резкий расход энергии прекратился. Олег на это известие лишь мысленно отмахнулся. Потому что к нему боком прижалась женщина, полыхнувшая энергией даже сквозь собственный наряд и две защитные оболочки Громова так мощно, что он пришел в себя только тогда, когда тело квадратного коротышки полностью оказалось за пределами опасного круга.

– И что это было? – перевел он дух.

Перевел уже сидя. Незнакомка, кстати, тоже выбилась из сил, судя по тому, как тяжело она уселась рядом с ним. Еще несколько слов, произнесенных ею перед собой, но явно обращенных к Олегу, парень не понял. Наверное, это было какое-то изъятие благодарности, под-

твержденное одобрительным похлопыванием по плечу. Женщина тут же скривилась в болезненной гримасе; она явно поранила руку.

– Может, задела что-то острое, когда тащили коротышку?

– Импульсный выброс неизвестного вида энергии, – ответила озадаченно на недавний вопрос Маша, – чем-то схожий с пси-энергией, но работающий на совершенно неизвестных мне принципах. Опасно. Предлагаю отключить Носителя этой энергии...

– Что значит отключить? – удивился, и даже рассердился Олег, – ты мне это прекрати. Деликатней надо и терпимей. Но изучить надо, тут я согласен. Ладно – можешь взять кровь на анализ. Только аккуратно, при случае. Не надо портить отношения с людьми, с которыми, быть может, придется жить... какое-то время.

– Принято. Образец уже взят.

Маша в своей виртуальной, не видимой никому, кроме Громова, реальности отступила на пару шагов. И это место тут же – словно видел – занял коротышка. Он уже вполне уверенно стоял на ногах, успел обменяться парой фраз с женщиной, а теперь подступил с вопросами к Громову. Насчет вопросов – это Олег догадался по интонации; ни одного слова ни сам Олег, ни его Младший Помощник не поняли. Вернее, Помощница. На всякий случай он не стал ни кивать, ни качать головой в отрицании. Мало ли как обернется!

– Готова озвучить анализ крови женщины. Вероятно, ее зовут Мира.

– Ага, ты еще и анализ их языка проводишь?

– Совершенно верно. Набираю необходимый объем информации для проведения лингвистического анализа.

– Ладно, потом поработаешь переводчицей. Что там с анализом?

Рядом с Машей опять возникла доска, по черной глади которой побежали белые строки:

– Женщина. Человек. Модификации отсутствуют. Классификация в социуме – Дикая.

– Чистота крови – 18,4

– Интеллект – 45—62

– Физика тела – 39—88

– Пси активность — 14—77

– Биологический возраст – 52 года мира Самах.

– Ско-о-олько?! – протянул недоверчиво Олег, – а с виду больше двадцать пяти не дашь.

Надо же – бабушка уже. А я...

Маша объяснять не стала, только похихикала.

– Надо же, еще и «Дикая», – с большой долей сомнения протянул дальше Олег, – а с виду не скажешь. Вполне разумная. Объяснить все это не желаешь? Эй-эй – ты чего?

Это он прервал общение с Помощницей, отступив на всякий случай от коротышки, весьма ловко выхватившего из-за спины молот внушительных размеров. Рукоять этого оружия была как бы не в рост коротышки, а сама рабочая часть размером с наковальню. Такую Громов видел как-то в краеведческом музее. Возмущение свое он, впрочем, высказал тоже про себя. Вслух это сделала за него незнакомка, которую – если верить Маше – звали Мирой. Коротышка послушался; бросил так же ловко свой молот-переросток за спину, угодив, очевидно, в какое-то крепление. Громову с его позиции амуниции этого угрюмого гнома не было видно.

Так же ловко коротышка выдернул из-за спины другой молот. Точнее, молоточек – настолько маленький по сравнению с первым, что Олег поначалу и не понял, что это тот держит в лапище. А разглядел; скорее даже догадался, когда тот подступил к стене, и начал выстукивать на ней какую-то мелодию. Именно так парень воспринял ритмичный перестук, с которым коротышка двигался по кругу. А коротышка еще и ушами шевелил – большими и, как разглядел недавно Громов, поросшими редкими черными волосами. Вот ритм замедлился; движение руки, а значит и молотка, изменили траекторию. А вслед его движению по светлой каменной стене пролегла темная линия. У гнома еще и мелок такого цвета оказался.

А следом за этой полосой двигался кончик длиннющей указки Помощницы. И слова, с которыми она обратилась к Громову, скорее всего, несли тот же смысл, что и прозвучавшие из уст коротышки. Но уже в адрес своей соратницы, естественно. Та явно оживилась, да и Олег не остался безучастным к известию о том, что в толще камня скрывается какая-то дверь.

– Имеется механизм открытия, – добавила Маша, – на стандартный пси-сигнал идентификации не реагирует. Скорее всего, сломан.

– Ну, тут у нас имеется универсальный ключ, – усмехнулся Олег, – отмычка, так сказать.

Так он отреагировал на попытку коротышки выхватить опять свою чудовищную кувалду. Именно этим оружием, как теперь догадался он, и был вскрыт купол зала. Еще одна резкая команда от Миры, и коротышка оставил в покое «отмычку»; побежал дальше обстукивать стены гораздо шустрее. Задержался, правда, ненадолго. Как раз в том месте, где стена была оплавлена в ходе эксперимента Громова. Ну, это когда парень свое новое оружие испытал. Замер на несколько секунд, покачал головой и дальше отправился.

У Олега сложилось впечатление, что команде Миры, ну или самому гному уже встречались подобные хранилища, и что он уже был уверен – эта замаскированная дверь здесь была единственной. Так оно и оказалось; больше чертить на стене ничего не пришлось. Зато двое прибывших принялись решать какую-то новую задачу. Судя по тому, что в условиях ее значились отверстие в куполе, веревка и пылевое пятно, в котором утопал конец каната, эта пара сейчас решала вопрос – как безопасно опустить вниз товарищей.

Громов решил было повystупить – в общем-то, он первый занял этот зал и, соответственно, имел больше прав на него. Маша поддакнула в том смысле, что эти права вообще абсолютные, стопроцентные. Особенно с учетом того, что за дверью в стене могли таиться немалые сокровища. А для Олега, с его богатством в виде «всего лишь» двух артефактов, вообще необходимые; даже обычные бытовые мелочи.

– Посмотрим, – пообещал он, с интересом наблюдая, как канат, свисавший сверху, начал раскручиваться, увеличивая амплитуду в нижнем своем конце.

Вот он раскрутился настолько, что Мира сумела ухватить его за кончик уже за пределами четко очерченной границы магического круга. И дальше они с коротышкой действовали так, словно не раз уже проделывали подобный трюк. Гном – так решил пока называть квадратного человечка Олег – отбежал, переваливаясь, к стене, и натянул канат, который явно кто-то держал наверху. Почему Олег так решил? – просто сверху раздался чей-то недовольный голос, и коротышка чуть ослабил натяжение.

Но и так по нему ловко скользнули вниз два сотоварища гнома и Миры. Олег уже перестал удивляться тому, как полно окружающий его мир постепенно приобретал черты обычной сказочной истории. Эти двое, нацелившие на него луки с короткими стрелами, с определенной натяжкой могли называть себя эльфами. Уши у них были чуть заостренными; личики хоть и смазливые, но не до такой степени, чтобы дамы разного возраста и положения вешались на них пачками.

– На что спорим, что сверху сейчас спустится какой-нибудь орк или огр, – спросил Олег, опасливо поглядывая на острия стрел.

Маша успокоила: «Нашу защиту не пробьет. Хотя я посоветовала бы дать костюму арамских пауков новую команду».

– Какую?

– Поднять уровень защиты во всех диапазонах.

– И насколько поднять? – Олег почти незаметно перевел дух после того, как «эльфы» опустили свои луки, – контролировать-то ты его не можешь. И я сам тоже, к сожалению.

– Не все так плохо, Олег Сергеевич, – подбодрила его Маша, – есть возможность контролировать расход пси-энергии твоего организма. Точнее, его баланс; с учетом собственного потребления и моих потребностей. Как только он станет отрицательным, останавливаемся.

– Хорошо, – согласился Громов, – что надо делать?

– Как говорится у вас, – лукаво улыбнулась Помощница, – повышай градус. Поэтапно, на один уровень защиты.

Тем временем за канат дополнительно ухватился один из «эльфенков» (эти двое, похожие, как близнецы-братья, выглядели весьма юно), и вниз медленно и как-то основательно пополз кто-то громадный. Олег видел уже четвертую фигуру, спускающуюся в его «склеп» по канату, а с учетом Миры – пятую. Так что примерный масштаб уже представлял. Но не останавливался в своем эксперименте. Так что уже совсем скоро они с Машей определили, что достался им артефактный костюм аж десятого уровня, и что пси-энергии самого Носителя вполне достаточно, чтобы поддерживать защиту в таком состоянии неопределенно долго.

– Если, конечно, она не будет расходоваться на сторону, – прокомментировала явно довольная Помощница, – но я бы посоветовала понизить уровень, примерно вдвое. Избыточен он здесь. Чувствуешь, что здесь нам пока ничего не угрожает?

Олег велел артефактному костюму уменьшить защиту, как и предложили, до пятого уровня, что и зафиксировала Маша уменьшением оттока внутренней энергии Носителя. А потом все таки пригляделся к новому постояльцу. «Мария Павловна» отслеживала его движение от самого пролома в куполе. И сообщила, что пролома этого визуально сейчас нет – последний «гость» его чем-то прикрыл. И это означало, что это действительно последний, с кем Громову предстояло сегодня познакомиться. Ну, как познакомиться – обменяться внимательными изучающими взглядами, после чего Олег приветливо улыбнулся, а «орк» даже не пожал плечами. Просто повернулся и принялся «любезничать» с гномом. Причем на десяток слов коротышки он отвечал одним собственным; весомым, словно гвозди-двухсотка, которые последний гость вбивал с одного удара.

На орка он, на взгляд Громова (тот самый, изучающий) тянул процентов на двадцать. Главное – ростом за два метра и мощным костяком. На который, в силу особенностей организма или недостатка питания, неросло должного количества мяса. В общем, это была костлявая громадина с темным цветом кожи, не имевшего, впрочем, негритянских черт лица. Они вообще были какими-то особенными, действительно дикими. Так что ни к какой из известных ему четырех земных рас Олег отнести его не рискнул.

– Ближе всего, пожалуй, будут краснокожие. Индейцы, иначе говоря. Слышала про таких?

– Теперь знаю, – кивнула Мира, – Виннету, Чингачгук Большой Змей и все такое. Но никакого отношения к ним этот тип не имеет. Ближе всего к оркусам. Отходы, скорее всего. Модификант; специально выведенный для охранных целей. Составляли основу планетарных войск.

– Что значит «выведенный»? – возмутился Олег, – они тебе что— бройлеры какие-нибудь, или поросята крупной белой породы? Или новый сорт картошки?

В такой вот момент, в сильном возбуждении, даже возмущении, из него полезло то, что в студента Олега Громова целых пять лет впахивали в сельхозинституте.

Маша на его возмущение никак не отреагировала. Ну, и сам он успокоился; понял, что адрес, по которому попытался направить негатив, выбрал неправильно. Но пообещал себе вернуться к этому вопросу. Обязательно, но позже. Потому что сейчас парня приглашали за стол. А точнее – за дастархан. Так в его студенческие годы называли накрытый стол два узбека, неведомо как поступившие в провинциальный вуз. Они же и объяснили, что в дословном обозначении слова дастархан является скатертью, что стелют прямо на пол, а уж на него...

– Да..., – протянул он, опять-таки про себя, – негусто у вас, ребята, кормят.

Сам Громов за годы работы в «Агрокоме» привык хорошо питаться, а так же одеваться, и вообще наслаждаться жизнью. Здесь же предложили тарелку с полосками какого-то вяленого мяса, лепешку средних размеров, очевидно каменной твердости, которую сразу захоте-

лось постучать по этой самой тарелке, или голове того, кто ее выдал (а если конкретнее – то гному) ... и все. Еще было пять фляг, персональные у каждого из группы. Громову, естественно, их не предложили. Да он и сам бы отказался прикладываться к чужой посудине. Только теперь он заметил, что пить, в общем-то не сильно и хочется. Хотя прошло...

– В пересчете на привычный тебе счет два часа пятнадцать минут, – сообщила Маша, – но это с момента моей активации. Разница с твоим прежним миром существенная. В здешних сутках тридцать местных часов; вместо привычной тебе семидневной недели декады, которых в месяце четыре. Ну, и месяцев в году десять.

– Всего, значит, четыреста дней... и мир все таки другой. Как-то я слишком легко отношусь к этому. Это не ты, подруга, накачала меня успокаивающим? Каким-нибудь пси-наркотиком?

– Про мир – это очевидно, – согласилась Маша, – и ничего удивительного в этом нет. На момент моего перехода в неактивное состояние планета цивилизации Самах с таким же самоназванием входила в космическое Содружество, точного числа Миров в котором мне было неизвестно...

– Это не актуально, – промычал Громов не совсем внятно, хотя делал это мысленно, – лучше подскажи, как мне это откусить.

Он как раз пытался разжевать и оттяпать зубами часть одной из полосок, которыми его угостили. Рот уже заполнился перечно-соленой слюной, а жесткие волокна никак не поддавались.

– Отрежь, – посоветовала Помощница.

Олег не успел спросить: «Чем?», – уставившись на лезвие ножа, которое словно само выросло из ладони. Хорошо, остальные за столом не поняли, что для него самого это тоже было полной неожиданностью. А может, поняли, но сделали вид, что это их никак не касается. Хотя на ус, конечно, намотали.

Управился он с ножом, лезвие которого было острым, как бритва, а может, еще острее, вполне успешно. Первый отрезанный кусок оказался во рту; лезвие пока «растаяло», а точнее, втянулось в один из тех браслетов на запястьях, которые стали частями жезла, а Громов вдруг помечтал:

– К этому бы мясу вяленому еще и пива пенного – крепкого, чтобы в голову ударило, а потом усыпило до самого утра. Сколько ты, говоришь, тут ночь длится?

Вопрос Маша, очевидно, посчитала риторическим. Ну, или посчитала парня достаточно разумным для того, что посчитать самому. А может, вообще молчала пристыженная – пива-то она поднести новому Носителю никак не могла.

– Нет, хорошо было бы, – он принялся мечтать дальше, – чтобы вот тут, посреди дастархана, оказался целый бочонок... гномьего, раз пошла такая пьянка. Или бутылочного, на крайний случай. Да хоть и в кувшине каком!

Сидел он боком к «столу»; попробовал сначала сесть так же, как устроился на своей циновке недоделанный орк, и как пытались его научить когда-то узбеки-однокурсники; то есть, поджав под себя ноги. Некомфортно было тогда, на мягкой кровати; неловко было и сейчас, на каменном полу. Хотя благодаря двойной защите артефактов жесткости камня он не ощущал. А сидел бы вот так по-оркски, или по-узбекски, точно свалился бы на спину, когда посреди стола действительно материализовалась последняя версия его мечтаний. Кувшин. С пивом – судя по мощному запаху пенного напитка, вырвавшемуся на волю из узкого горла.

Но и так он дернулся очень резко, и не было сомнений – теперь-то остальные точно отметили его ошарашенный вид. Отметили, но никаких действий предпринимать не стали. Даже слова не сказали. Хотя они – и слова и действия – прямо рвались из глоток; особенно из гномьей, или дарфовой, как обозвала коротышку Маша.

Вот этот буквально изнывал от желания схватить кувшин, и припасть к его горлышку. И Громов его в этом желании вполне поддерживал. Но пить из горла по очереди с незнакомыми людьми... или не совсем людьми...

– Еще бы кружек пивных, – попросил он неизвестно у кого, – можно даже без картонок.

– Что значит, «неизвестно у кого»? – попеняла его бестолковости Помощница, – ты только что распечатал один из пространственных слоев костюма. Импульсный выброс пси-энергии подтверждает это. Не очень значительный, кстати. Алгоритм понятен, я думаю?

– Не дурак, – проворчал парень, – нужно просто представить себе то, что положили в него раньше. Сам, или кто-то другой. И попросить вернуть на то место, на которое покажу. С кувшином угадал. А как угадать с кружками? Я каких только себе не представлял. Ага... нужно, чтобы были под стать кувшину. Может, прежний владелец спрятал его вместе... Оп-па! А фокус-то удался!

Вокруг кувшина действительно выстроились правильной окружностью шесть кружек. Вообще-то их количество Олег не оговаривал. Так что или костюм распознал его невысказанное пожелание; может, даже подсознательное. А может, их и было в запасников костюма, изготовленного в невообразимо далекие времена из паутины магических пауков, ровно полдюжины. Интересоваться и пытаться как-то экспериментальным путем выяснять это Громов не стал. Очень уж жалобно-нетерпеливым стал взгляд гнома.

Предводительница группы, предположительно Мира, кивнула – ему, или своим подчиненным – и Олег послушно наполнил бокалы. Осторожно, не пролив ни капли. Пена, кстати, тоже была на удивление «послушной» – поднялась тугой шапкой, но по наружной поверхности бокалов не потекла.

Ну, что мог сказать об этом пиве Олег? Ничего подобного он прежде не пробовал. Был по случаю в Чехии, но знаменитый «Козел», и его собратья даже рядом не стояли с содержимым этого кувшина. Олег пообещал себе выделить время, провести инвентаризацию запасников в слоях костюма. Ну, или найти то место, где готовят такие напитки. Кувшином, тем временем, овладел коротышка, который первый бокал выхлебал в три мощных глотка. Именно столько раз дернулся его кадык, когда посудина опустела.

Но прежде, чем заполнить его еще раз, гном повертел сосуд, обнюхал его (почему-то снаружи) и даже куснул за край. А потом произнес лишь одно слово. И Громов, ничуть не сомневаясь в правоте, велел Маше:

– Запиши последнее его слово в свой словарь. Переводится как «золото».

– Записала, – согласилась с ним Помощница.

Наблюдая, как коротышка ловко и уверенно заполняет бокалы, Олег, чуть захмелевший, лениво перебирал в голове блюда, которые он хотел бы увидеть сейчас на столе. Очередное «чудо» явилось, когда он опять вспомнил про однокурсников из солнечного Узбекистана. Особенно одного из них, Рустама, который бесподобно готовил плов...

Посреди стола появилось блюдо диаметром почти в метр, из которого парил, источая умопомрачительные запахи, самый настоящий узбекский плов.

– С последним могла бы поспорить, – не согласилась Помощница, – Узбекистана на карте мира Самах нет. И вид этого блюда мне незнаком.

– А что на него смотреть? – удивился Олег, – его кушать надо.

В комплект к блюду, очевидно, тоже золотому, вместе с ним явились полдюжины ложек необычной формы. Главное – ими вполне удобно было зачерпывать со своего края блюда мясо, рис с морковью, еще чем-то непонятным, но неизменно вкусным. Хотя тот же Рустам когда-то учил его кушать без столовых приборов, щепотью ладони.

Все блюдо не осилили, даже с устрашающим аппетитом коротышки. Впрочем, худющий верзила съел, наверное, не меньше. Хотя метал он плов в свой пещерообразный рот внешне неторопливо и аккуратно.

– И куда все это девать? – показал он Маше на пустую, в основном, посуду и столовые приборы.

Шутил, конечно, придя после ужина в благодушное состояние. Потому что даже ребенку было бы понятно – где взял, туда и положи. Вот это он и велел костюму, которому решил тоже дать имя. Потому что предположил, то обращаться к нему придется очень часто.

Группа, разделившая с ним первый в этом мире ужин, не успела проводить золотой сервиз грустными взглядами. Он исчез раньше, в одно мгновение. И практически сразу после этого пятерка вскочила на ноги с разной степенью торопливости, и склонилась перед ним, не успевшим подняться. Поклонились почтительно, низко. Два эльфенка даже коснулись руками пола. И не начали разбирать импровизированный стол до тех пор, пока Олег не встал, и не отошел в выбранный им угол. Хотя какой может быть угол в зале правильной круглой формы?

Олег, занятый этим вопросом, даже не сообразил поклониться в ответ. А когда спохватился, «стола» со «стульями» уже не было, а пятерка кучковалась в противоположной от него части зала.

– Это ничего, не обидятся? – спросил он, – может, я сейчас нанес оскорбление, смываемое только кровью? Спать хочется, а не дуэли устраивать. Точнее, участвовать в них.

– Скорее, примут за должное, – успокоила его Маша, – судя по тем немногим словам, которые я уже понимаю, они приняли тебя за великого мага. Ну, или по нашему, за пси-оператора самого высшего уровня. Смотри – идут к нам.

– Маг! – усмехнулся про себя Олег, ожидая постояльцев, – по залету! Эй – это не то, о чем ты подумала. Или я сам? По залету – это значит, залетел сюда. «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете!», – слышала такое? Нет? Ну, и ладно, не в голубом и не вертолете, а в камне малахитовом. На крыльях судьбы – скажем так...

Группа действительно тронулась по периметру, оставив одного из своих членов – гнома – на прежнем месте. Но не дошла до Олега, собравшегося уже было примоститься на каменном полу, метров пять, не больше. А коротышка уже успел ловко собрать какой-то каркас из тонких палок, или труб, и сейчас обтягивал его дерюжкой. Так назвал материал Олег, и Маша не стала его поправлять. Вместо этого ответила на невысказанный вопрос Носителя:

– Это он отхожее место утраивает.

А Громов, услышав, вдруг остро захотел опробовать заведение, хотя до того ему как-то и не хотелось.

– Это ничего, что я первый, без очереди? Не обидятся?

– Иди уж. Только дождись, когда дарф выйдет.

– А ты не подглядывай.

Чудо иномирной походной сантехники представляло собой кожаный мешок, установленный в каких-то распорках на манер урны; с крышкой на нем. Олег постоял, помечтал об унитазах вместе с системой канализации, но костюм на его мечтания сейчас никак не откликнулся. В общем, порадовавшись, что попал в заведение первым, Олег уже через пять минут по исчислению родной Земли был готов отойти ко сну. Ванны с тропическим душем тоже вызвать не удалось, но, по аналогии со столовыми приборами, выцепил из неведомого пространства еще один кувшин с чистой водой и тазик, в который эту воду можно было сливать. Уже грязной.

Ортопедический матрас на его призыв тоже не отозвался. Маша, хихикнув, посоветовала ему не терять зря времени.

– Четвертый пункт реестра возможностей артефакта, – напомнила она, – трансформация. Можешь придать ему удобную форму. Утолщать где надо, или, напротив, утончать.

Олег поэкспериментировал, и, трансформировав часть комбинезона в узкий матрас и вполне комфортную ортопедическую подушку, копия которой осталась дома, провалился в сон. Точнее, попытался провалиться. Как только голова коснулась жесткой, но вполне ком-

фортной «подушки», сон куда-то ушел. Может, свое влияние оказал тот факт, что ночи тут гораздо длиннее земных? Или проснулась опаска, что навалятся во сне, а то и просто тукнут по голове той самой кувалдой...

– За это можешь не беспокоиться, – тут же отреагировала Помощница, – во-первых, кувалда просто отскочит от защиты, и при желании Носителя так, чтоогреет по голове агрессора. А во-вторых, функция Малого Помощника по охране и оповещению Носителя при малейших признаках угрозы приоритетна и никогда не отключается.

– Что-то ты об этом прежде не говорила. Это что, девятнадцатое твое свойство? А может, есть и двадцатое, и двадцать первое...

– Это обязательное свойство Малых Помощников, – чуть пригасила его пыл Маша, – в базовой, так сказать, комплектации.

– Ну, раз ты меня совсем разбудила, давай поговорим, – решил Олег, поворачиваясь на спину, – если это не будет тебе мешать наблюдать за ними (он чуть дернул головой в сторону пятерки, расположившейся компактно, через одну неопрятную кучу от него). Ну, и...

Помощница позволила себе перебить Носителя, явно угадав, или прочитав в мозгах еще не высказанный вопрос:

– Не будет. В «базовой комплектации» прописано владение шестью потоками операций. Так что я еще и фиксирую их разговоры, анализирую их, пополняю словарную базу...

– Молодец, – искренне похвалил ее Громов, – ну, тогда начинай.

– С чего?

– А с самого начала. Кто ты, откуда взялась, кто твои, так сказать, «родители»? Ну и про прежних Носителей вкратце. Потом, если не заснешь, короткий обзор в плане истории, географии, ну и так далее.

– Понятно, – Маша в видимом спектре шагнула поближе к Громову, уселась на пол, обняв руками колени, и начала повествование, – я – Малый Помощник МП – 18 – 48 – 32 – 14. Восемнадцать – это ты уже знаешь. Сорок восемь – поддерживаемый уровень интеллекта; тридцать два – возможности защиты Носителя и нападения; четырнадцать, соответственно – максимальный уровень пси-защиты и пси-атаки.

– А это много? – не выдержал Олег.

– Максимально, по общепринятому в Мирах, сто. С чем сравнить в понятиях твоего мира? Ну, мой уровень физической защиты это примерно хорошо укрепленный ДОТ. Прямого попадания авиабомбы конечно не выдержит, а вот обычной винтовкой поразить нереально. Даже в упор. Уровень интеллекта достаточно высок. Примерно уровень профессора вашего МГУ.

– Да? – удивился Олег, – и какой кафедры?

– Ну, узкой специализации у таких Помощников, как я, нет. Что закачали в программу, тем и владеем. Ну, и самообразование потом, конечно, от местных и галактических сетей и окружения Носителя.

– Понятно... что ничего не понятно. В общем – ходячий... то есть, носимый компьютер, бронежилет с автоматом и огнеметом, и научная лаборатория в одном. Еще и собеседник приятный – когда не спится. А что насчет этой самой «пси». Как-то маловато...

– Ничего не мало! – изобразила возмущение и обиду одновременно Маша, – сильные пси-операторы вообще невероятная редкость. Среднестатистический разумный в Мирах едва дотягивает до двух единиц. А таких, кто приближается к абсолютной сотне на момент моего отключения, не было ни одного. В легендах разве что, в седой древности, такие жили.

– Про момент отключения подробнее, пожалуйста.

– Это заложено программой. В момент смерти Носителя привязка обнуляется. Новый Носитель должен обладать соответствующим набором генов...

– А я, значит, обладаю?

– Да!!!

– Потихоньку, – усмехнулся Громов, – людей разбудишь. Хотя они еще не спят. Чего так экспрессивно?

Помощница вместо слов в голове, которые, впрочем, звучали так, словно они вылетали из рта Маши, в одно мгновение развернула привычную уже доску. Но строки на ней уже были начертаны; все тем же каллиграфическим почерком:

– Олег Сергеевич Громов. Человек. Мужчина. Реальный возраст 25 лет.

– Чистота крови – 96,5

– Интеллект – 84—26

– Пси-активность – 62—4

– Физика тела – 32—19

– И что тут такого особенного? – вроде как удивился Олег; собственный высокий уровень, судя по недавнему рассказу Маша, он, конечно, отметил.

– Чистота крови запредельно высокая, – кивнула его невысказанной мысли Помощница, – ну, и уровень интеллекта, и пси-активность... физически, конечно, недоразвит...

– Без оскорблений, пожалуйста. Подумаешь, животик небольшой! Тридцать два из ста, которые, наверное, у суперчемпионов, это совсем неплохо.

– И из них только девятнадцать процентов освоения.

– Это то, что в знаменателе? – уточнил Олег, имея в виду, прежде всего, ничтожный показатель пси-активности.

– Да. Потенциал просто громадный. Если поднять его...

– Качаться специально не буду! – сразу оговорил Олег, – тем более, что у меня есть ты.

– Принято, – приняла вид послушной школьницы Помощница, – уточняю – коэффициент использования моих возможностей зависит от уровня развития Носителя. А насчет качаться... есть специальные методики. Нейросети, импланты, биотренажеры... а если найти симбиот достаточно высокого ранга...

– Хорошо разбираешься?

– А как же?! Все таки мы в мире цивилизации Самах. А она признанный лидер в биотехнологиях. Основные статьи экспорта в другие миры – биоимпланты, медицинские биокапсулы и расходники к ним, модификанты.

– Последние, это, я так понимаю...

– Модифицированные генетически Дикие. Вот как дарфы, например. Созданы специально для тяжелой физической работы. Особенно в шахтах. Мир цивилизации Самах беден на полезные ископаемые. Точнее, не так. В среднем по распределению элементов планета мало чем отличается от других. Только рассеяны они сильнее, чем обычно. Богатых месторождений мало, и залегают они очень глубоко. Вот и создали специально дарфов...

– И продают их?! Как рабов? Как скот?

– Согласна, это ужасно, – кивнула Маша, ничуть не изменив лица, – но это я утверждаю, как часть твоего сознания. А прежний Носитель, Айлоз ал Никод, третий наследник клана Никод, считал это вполне обычным и разумным. Миры Содружества разнообразны, и цивилизация Самах не самая бесчеловечная в них. Это я утверждаю опять с позиции твоего мировоззрения; и с учетом того, что я про эти Миры знаю. Кстати, очень немного. Алойз ал Никод этим интересовался очень мало. Как говорят у вас, был ученым до мозга костей, фанатом биотехнологии.

– И кого же он пытался создать? – едва не передернулся от отвращения Олег, – юный натуралист гитлеровский? Доктор Менгеле, блин...

– Тот артефакт у Миры, левитирующий, – напомнила Маша, – он создан искусственно, пси-оператором достаточно высокого уровня. Биологии в нем нет. А в лаборатории Айлоза ал Никода пытались создать летающего человека...

– Малую авиацию...

Олег грязно выругался, на что Помощница никак не отреагировала. После долгой паузы он буркнул: «Продолжай».

– Опытные образцы уже были получены. Ничего удивительного в этом нет. Общие технологические подходы были отработаны, когда создавали, к примеру, модификантов, свободно живущих в воде. Это по заказу одного из Водных миров. Или, к примеру, тех же альвов...

– А эльфов зачем?

– Вышло почти случайно, – несмело улыбнулась Маша, – создали в одной лаборатории, где работали исключительно мужчины. Для любовных утех. А «товар» оказался востребованным. Красивые, обученные, послушные...

– Ага, послушные...

Это Громов вспомнил близнецов, с их луками и стрелами.

– Да, это непонятно, – согласилась Помощница.

– Ты хотела сказать неприятно? Или опасно?

– И неприятно тоже, – не стала спорить Маша, – но больше – непонятного.

– И чего тебе непонятно?

– По законам Самах ни один модификант не должен выходить из производственной лаборатории без биоимпланта подчинения. А эти...

Она кивнула в сторону компании, наконец-то успокоившейся в своей секции зала, и, очевидно, получив от сознания Олега какое-то разрешение, протянула в их сторону сразу четыре нити, отливавших металлическим блеском. Кто-то в «спальном купе» проворчал и завозился, но нити, которые даже ожидавший их появления Громов едва успел заметить, уже исчезли. Помощница же продолжила.

– У наших гостей никаких имплантов нет. Вообще никаких. И какие-то они... недоделанные, что ли? Оркус такой только на пятьдесят шесть процентов, дарф почти на восемьдесят, а в близнецах даже половины от альвов нет. Такое впечатление, что их предки вырвались из лаборатории, и скрещивались без всякого контроля.

– А может, они просто жили? Без этого самого контроля. И без лабораторий? Может, этих самых лабораторий просто нет? Куда, кстати, делся, твой прежний Носитель. Сколько он прожил? Двести лет? Или больше? И отчего умер? И почему не распорядился такой дорогой игрушкой, как ты? Ты ведь дорогая?

– Не дешевая, – кивнула Маша.

Олегу показалось, что в голосе бездушной, по определению, железки прозвучала обида. Но как-то реагировать не стал, просто ждал ответов на вопросы, на которые Помощница не ответить не могла.

– Двести четыре года, и умер он не от старости. Наследники клана при желании могли жить сколь угодно долго. Это не бессмертие, конечно, а поддержание жизни достижениями биотехнологий. Подробностей не знаю. А умер Алойз ал Никод, заразившись неизвестным видом вируса. Быстротечным, и настолько агрессивным, что не смогла спасти даже медицинская капсула десятого поколения, до которой я помогла ему дойти. В момент смерти Носителя и я отключилась. Сколько лет прошло с того момента, и как я попала сюда, не знаю. И насчет цены. Действительно, Эм Пэ моей серии очень дорогая игрушка. Примерно пятнадцать миллионов стандартных кредитов Содружества.

– Это много?

– Все познается в сравнении, – усмехнулась Маша, – та самая медкапсула, в которой умер мой прежний Носитель, стоила втрое дешевле. А биоискин средней мощности на порядок дороже меня. Также, кстати, эксклюзивный продукт экспорта. Среди диких экземпляров, чей мозг можно было использовать для выращивания мощного «суперкомпьютера» попадались разве что один на поколение. Это на всей планете... Вот твой мозг подошел бы.

– Спасибо, дорогая...

– Извини, Олег. Это просто констатация факта.

– Так вот тебе другой факт, – рассердился Олег, – точнее, вывод из того, что я сейчас услышал. Сдохли твои Самах, как и этот самый Алоиз...

– Айлоз, – поправила его Маша, – и почему такой вывод?

– Смертельный вирус; то, что тебя до меня никто не «приватизировал», то есть, не активировал; эти ребята (кивнул он в сторону соседей), которые уже совсем не модификанты... Сколько поколений нужно, чтобы вот так изменился геном; причем, сразу у всех... модификаций – скажем так? Один орк это случайность, и гном тоже. А все сразу? Сдохли эти извращенцы. Сами же создали вирус, и от него вымерли, как мамонты. Такой вот модифицированный вирус, для высшей расы. А «низшие» как раз выжили. И сейчас активно перекрещиваются. Я, конечно, не специалист по этим вашим биотехнологиям, но иного не вижу. Впрочем, поживем – увидим. Вот поднимемся завтра на поверхность, и увидим. А может, ребят этих расспросим. Все, я спать. Разбудишь меня, когда соседи поднимутся.

– Спокойной ночи...

Глава 4. Артан, Глаз сквайда искателей

Артану парень не понравился сразу. Почему? Ну, во-первых, тот был гораздо выше горца. Справедливости ради надо уточнить, что абсолютное большинство жителей городка Борска, что вырос совсем рядом с обширными развалинами Ушедших, были выше дарфа. Ну, так Артан их не особо и любил. Исключением были лишь глава сквайда, Мира, недоделанный оркус Гром, и два брата-альва, Алай с Малаем. Впрочем, последние – с большой натяжкой; не заслужили они пока полностью доверия старого дарфа. Четыре года в сквайде – это не срок.

Так получилось, что всю жизнь Артану приходилось смотреть на других снизу вверх. Ладно в детстве, которого, по сути, у него не было. Первое осмысленное воспоминание – мусорные кучи на окраине города, где проживала и добывала средства к существованию банда малолеток. Как попал в нее Артан, кто были его родители, не знал никто. А может, кто и знал, но самому малышу не говорил.

Скорее всего, жизнь его так и закончилась бы на этой свалке; как у многих, кого он видел тогда рядом с собой. Но подкидыш оказался удивительно живучим. А еще – сильным. Настолько сильным, что его взяли в сквайд искателей, как только стало понятно, что он вполне может носить на плечах вес, сравнимый с его собственным. А весил он тогда, четырнадцатилетний, больше нормального взрослого мужчины. Впрочем, норма в Борске была понятием очень условным.

Артан оказался еще и везучим. Пережил четыре сквайда. И во всех был обычным мулом – носильщиком, и помощником во всех грязных работах. А таких работ в сквайдах было великое множество. Дарф не раз порывался оставить очередной сквайд, стать искателем-одиночкой. Но такие долго не жили. Не было среди них живых легенд. Сквайды, о везучести и удаче которых с придыханием и завистью говорили в трактирах Борска, были и есть, а одиночек – ни одного. Потому что таким в Развалинах не выжить.

Последний сквайд, в котором Артан выполнял все ту же грязную и тяжелую работу, попал в древнюю ловушку. Улица, по которой растянулись девять искателей, просто провалилась на всем своем протяжении, и провал тут же заполнили стены зданий по обе стороны этого неширокого проспекта, выглядевшего так безопасно. Больше того – сквайд не раз уже проходил по этой улице, развалины вдоль которой были обчищены задолго до рождения Артана.

Дарф, как обычно, шел последним, нагруженный так, что заплечный мешок делал его фигуру почти вдвое выше, чем это было на самом деле. Ловушка сработала как раз в тот момент, когда ее границу пересек Артан. Тот был здорово измотан тяжелым рейдом, зол после недавней стычки с двумя искателями-оркусами, шутившими над коротышкой-дарфом громко и обидно, а еще здорово подавлен ожиданием грядущих неприятностей. Но на практически неслышный вздох каменных громадин, которые издали его, прежде чем обрушиться на сквайд, отреагировать успел. Почти. Повернулся на месте, и даже прыгнул назад, за пределы ловушки.

Но прыгнул уже в провале, наткнувшись на удивительно ровный срез каменного монолита. Вот к нему и прижало дарфа чудовищной массой каменных обломков. Прижало так, что наружу торчали лишь кончики пальцев, которыми он успел ухватиться за край провала. Сколько он провел без сознания, Артан не знал. В сознании же, не имея возможности даже пошевелиться, прожил долгие два дня и ночь. Любой другой разумный на месте дарфа, скорее всего, не пережил бы даже одного дня. Да что там – абсолютное большинство искателей не пережили бы самого обвала. Но далеких предков Артана боги словно специально создали, чтобы выживать в таких вот непростых ситуациях.

И дарф, которому к тому черному для сквайда дню шел уже пятый десяток лет, выжил. Не сам, конечно. В сгущающейся вечерней тьме, пробивающейся сквозь крупные обломки, кто-то дотронулся до его руки, торчащей из камней. И что-то глухо проворчал, когда эта ладонь

постаралась вцепиться в чужую. Еще и вторая принялась сжимать и разжимать пальцы, показывая, что руки лишь продолжение остального тела, и что тело это до сих пор живо. Артан к тому времени настолько обессилел, что практически не мог радоваться, когда его вытащили из обломков. Но эмоции не полностью покинули его. И главными из них были злость и раздражение. Потому что заметил его, и вытащил из ловушки оркус. Гром. Первой разумный, который стал ему другом. Не сразу, конечно – после многих рейдов, непростых, гибельных ситуаций, когда они спасали друг друга и других членов сквайда...

Спасали не всегда; текучка среди искателей была очень велика. Но не в сквайде, главой которого была Мира. Одна из живых легенд Борска. Умная, расчетливая и очень осторожная. А еще – хорошо разбирающаяся в людях. Так она называла всех, с кем общалась; неважно, кем они сами себя считали – оркусами, дарфами...

Вот и в Артане она разглядела то, что не смогли разглядеть главы четырех предыдущих сквайдов. У дарфа был нюх на все необычное. Неважно – опасное, или не очень; полезное, или совсем бросовое. Главное – необычное. Потому Мира назначила его Глазом сквайда, хотя и Гром, и юные Алай с Малаем превосходили дарфа в остроте зрения, слуха и обоняния кратно. Все они видели совершенно обычный камешек на пути сквайда задолго до его Глаза. Но только Артан наклонялся, чтобы перевернуть его, и обнаружить под ним... чаще всего совершенно бесполезное. Ведь развалины древней столицы обшаривали в поисках добычи уже сотни лет. И все равно находили артефакты, иногда очень ценные. И Артан находил.

Вот и теперь дарф чувствовал – этот парень, неведомо как попавший в замурованный каменный склеп, и не понимавший ни одного слова на общем, очень необычный. В чем это выражалось? Артан объяснить не мог. Так же, как и сказать, несет ли необычность парня сквайду, и ему самому какую-то опасность, или, напротив, благо. Просто он был не таким, как все, и нужно было держаться от него подальше. Даже с учетом того, что этот незнакомец уже успел спасти его, Артана, от большой беды. Это Мира так сказала, а значит, это так и было.

Главе дарф доверял безгранично. И на ее решение переночевать здесь всем сквайдом, и в компании незнакомца, лишь кивнул. Но свое мнение все же высказал. Позже, когда все расположились ко сну, оставив первым караульным одного из близнецов. Впрочем, высказались все. Первым, как ни странно, великий молчун Гром.

– Парень – маг, – сообщил он очевидное, – очень сильный маг. Я такого еще не видел...

– И не пробовал, – прогудел едва слышно Артан, имея в виду те блюда, которыми их угостил на вечерней трапезе незнакомец, – это что вообще было?

Паузу, которую прежде других должны были по старшинству заполнить Мира, а потом Гром с Артаном, и лишь в последнюю очередь близнецы, нарушил как раз один из альвов, Малай. Потому, как понял Артан, что пауза эта сильно затянулась, а альву было что сказать.

– У нас, – почти прошептал он, – такое называют сумкой путешественника. Только на нем никакой сумки нет.

– Слышал я про такие сумки, – проворчал Гром, – редкая и дорогая штука. Только не уверен, что в такой сумке можно хранить блюдо, которое словно только что сняли с очага.

– И пиво, только что перелитое из свежего бочонка, – добавил Артан.

Он улыбнулся, и неслышно причмокнул толстыми губами, вспомнив, прежде всего, вкус именно пива, а не риса с мясом, приготовленных с великим мастерством.

– Значит парень однозначно маг, – подвела черту Мира, – непонятный, не знающий ни одного слова на общем, но очень сильный. Вон в ту кучу (она кивнула в сторону середины зала, где пыльное пятно опять обрело форму правильного круга) он вошел, как в зал трактира. А меня оттуда вышибло, несмотря на все мои артефакты... и что мы будем с ним делать?

– Ты хотела спросить, что он с нами будет делать? – язвительно поправил ее Гром.

– Ну, или так...

– У Артана надо спросить, – предложил оркус так, словно друга-коротышки не было рядом, – это он у нас специалист по всем непоняткам. Хотя я бы не отказался, если в сквайде появился маг.

– Я бы тоже, – протянула Мира чуть громче, чем требовалось – словно делала сейчас предложение незнакомцу, – но зачем это ему? Что ему артефакты, которые мы находим здесь и носим скупщикам. Он сам артефакт, как...

– Не будем делить шкуру дикого кота, которого не только не убили, а даже не увидели еще, – перебил ее оркус, зевая, – посмотрим, что он скажет утром.

– Он не говорит на общем, – напомнила Мира, – даже не счел нужным представиться, хотя для этого знать язык не обязательно. И о том, кто мы такие, не проявил ни малейшего любопытства.

– Зато угостил на славу, – возразил ей Гром, – а что насчет языка... сдастся мне, что завтра он с нами заговорит.

И Артан почему-то кивнул, соглашаясь с другом...

Утром, которое в древнем зале, заполненном ненавязчивым светом, ничем не отличалось от ночи, дня и вечера, дарф проснулся от ощущения какой-то очередной необычности. Его, как главного лица предстоящего действия, в караул не ставили. Но и нежиться в походной постели долго не позволили. Точнее, не позволил он сам, подскочив на месте так, словно пропела тревожная труба. В сквайде сигналы тревоги были другими; как правило, негромкий шепот, или касание ладонью. Но сейчас на ум пришло именно такое сравнение. И тут же растаяло, когда Артан понял, в чем именно заключается необычность момента.

– Конечно, он, – проворчал он, растирая лицо, и решая, что именно сделать первым —облегчиться с утра, как того требовал организм, или направиться к магу, который стоял у стены, разглядывая тот контур, что изобразил вчера черным камнем Артан.

Организм пересилил. Походный сортир, который он собрал когда-то собственными руками, занял его внимание совсем не надолго. Но, когда дарф выскользнул из его хлипких стен, незнакомец уже был там, где со вчерашнего вечера не стали убирать походный же «стол». А результатом его медитации у стены стало еще одно черное пятно – жирное, привлекающее внимание. Как раз там, где, по предположению самого дарфа, у спрятанной в камне двери мог быть замок.

Плат вечером только вытряхнули и сложили, не убирая в походную суму, и теперь он опять приглашал искателей и их невольного соседа... пока лишь своей девственной пустотой. Дарф наизусть знал, что сейчас должно появиться на плате; точнее – должно было появиться, если бы не присутствие мага. О последнем определенно думали все. И сам маг тоже. Он уже сидел на вчерашнем месте, вытянув ноги вдоль узкой стороны «стола», и чувствовал себя при этом вполне комфортно. На лице, ничем не выделявшемся бы в толпе, блуждала слабая, какая-то задумчивая улыбка. Артан почему-то решил, что маг листает сейчас меню; словно сидел за столом трактира «У ворот». Впрочем, меню у дядюшки Мирта редко кто просил. А если просил, и получал, листать его просто не мог; в силу того, что названия всех блюд в нем, вместе с напитками, умещались на одной стороне тонкой доски. Этот же...

Наконец, маг вздохнул, распахнул пошире полузакрытые глаза, и улыбнулся теперь именно им, искателям. А потом стукнул себя по груди, и представился – так понял единственное слово Артан: «Олег».

– Мира, – тут же отозвалась глава, прикоснувшись собственной груди, – а это Гром, Артан, и Алай с Малаем.

Дотянуться до всех рукой она, естественно, не могла, потому просто ткнула в их сторону пальцем. А незнакомец, точнее, теперь Олег, продолжать не стал. Вернее, продолжил – самым привлекательным для голодных искателей образом. Начал колдовать, или магичить. Так Артан назвал процесс извлечения из воздуха очередных блюд. Точнее, маг не извлекал. Просто пока-

зывал пальцем на участок плата, и там возникали: огромное блюдо с кусками мяса, нанизанными на длинные и острые металлические прутья, которыми вполне можно было фехтовать, и поражать врага; еще одно, скромнее размерами, на котором горкой высились лепешки; явно только что испеченные. Их резкий пряный аромат силился перебить запахи мяса, шкворчащего, и до сих пор капающего застывающими каплями жира.

Наконец, появился очередной кувшин, пока запечатанный, и шесть бокалов к нему.

– Золото, – как-то безразлично констатировал дарф, – опять одно золото.

Его сейчас больше интересовало, что же находится в этом кувшине. Но, как ни чесались у него руки схватить его, и содрать с горлышка крышку какой-то неизвестной субстанции красного цвета, он, конечно же, терпел. Ждал – главу, и мага, который на правах угощающего должен был... ну, хотя бы коснуться бока кувшина, или взять в руки кусок лепешки.

– Мы, конечно, не можем удивить уважаемого мага изысканностью своих блюд, – вздохнула Мира, – и отдариться нам особо нечем...

Маг словно не понял ни единого слова, произнесенного главой. Просто обвел руками стол, и сам же первым снял с блюда металлический прут с мясом. Это послужило сигналом Артану. Как бы он не относился к незнакомцу и его непонятной щедрости, отказываться от угощения дарф не собирался. И ухватился, естественно, первым делом за кувшин. Запечатан последний был каким-то твердым, и одновременно хрупким составом. Или это пальцы дарфа были так необычайно сильны? Как бы то ни было, но кувшин оказался распечатанным в мгновение ока, и к запахам, заполнившим, казалось, все огромное помещение, добавился изысканный аромат вина.

Артан не был тонким знатоком напитков. Для него главным было, чтобы побольше, да покрепче; так, чтобы до печенок пробирало, и наутро не было обидно за бездарно проведенный вечер. Но сейчас он понял, и принял как данность, что такое вино вряд ли подавалось даже к столу герцога Дайна Великолепного, который правил землями, куда входили и городок Борск, и развалины рядом с ним. Это дарф еще не попробовал его, а лишь поднес полный бокал к крупному, красному даже без выпивки, носу. А потом он втянул в себя, медленно и наслаждаясь, весь бокал. И едва удержался, чтобы не припасть уже к кувшину, в котором, судя по всему, оставалось как раз, чтобы наполнить еще раз шесть бокалов.

Но – сдержался. Лишь погладил бок кувшина, и оглядел фигуру жующего мясо парня. Словно пытался разглядеть, где именно тот прячет под своим потрепанным костюмом другие кувшины и блюда.

Наваждение спало. Вино действительно было великолепным, но оно не могло полностью заменить собой жизнь, обыденность, в котором яркими пятнами были вот это мясо, горячий еще, духовитый хлеб, друзья рядом... и гораздо более серыми и неприятными весь остальной мир, включая четко выделявшееся черное пятно на стене. Так что вторую порцию он выпил мелкими глотками; смакуя, но уже без эйфории. И мясо с лепешками ел не торопясь, отрывая его крепкими зубами аккуратно, не пачкаясь все еще не застывшим жиром. И при этом съел, как обычно, больше кого другого. Даже больше мага, который тоже на аппетит не жаловался.

Проводив чуть подобревшим взглядом золотую посуду, которая исчезла опять по мановению руки мага, Олега, дарф неторопливо поднялся, и встряхнулся всем телом – пришло его время. Почему-то захотелось показать их новому знакомому, который по прежнему не понимал ни слова, или искусно притворялся, свое мастерство. То, как он не просто размахивает своим молотом, внешне легко и непринужденно, но и – и это самое главное – очень точно, продуктивно.

– А ты, парень, хоть и маг, – смерил он фигуру Олега, не решившись сказать это вслух, – вряд ли смог бы просто взмахнуть моей кувалдой...

Впрочем, вручать свое оружие в чужие руки он не собирался. И не делал этого никогда прежде. Даже в сильном подпитии. Даже другу, Грому, и главе сквайда. Впрочем, они на его кувалду никогда не покушались.

Дарф опять пошел по кругу, вдоль стен; только уже в обратном направлении в сравнении со вчерашним. Кувалду держал на плече, а ладонью другой руки, левой, вел по теплому, чуть шершавому камню. Никаких мозаик, выбитых рисунков или барельефов на стене не было. Как сказал бы умный и начитанный, несмотря на свой диковатый вид, оркус: «Голый функционал». Единственное, что задержало ненадолго дарфа – неглубокое отверстие и потеки расплавленного камня. Вчера Артан прошел мимо, едва коснувшись этого участка стены. Потому что даже на расстоянии вытянутой руки чувствовалось, как та пышет жаром от недавнего удара каким-то оружием; скорее всего магическим. Теперь же этот след был чуть теплым, как и вся остальная стена, и «позволил» ощупать себя. Впрочем, ничего нового для себя дарф при этом не определил.

А вот темное пятно, которое маг оставил своей ладонью совсем недавно, чуть изумило, и заставило напрячься Артана. Потому что было нанесено совершенно таким же камнем, как у самого дарфа.

– Не похожим, а именно моим, – решил он, сравнив этот отпечаток с широким черным следом, который оставил вчерашним вечером сам, – неужели успел пошарить в моем мешке?

Дарф не сомневался. Слабенький дар, который и заключался в том, что он мог отмечать непонятное, сейчас утверждал – непонятное именно в том, что все темное на светлой стене суть мельчайшие частицы одного целого.

– Артан, время.

Мира не часто подгоняла его вот так. Если дарф стоял, задумавшись, прежде чем нанести первый удар, значит, у него были на то причины. И это тоже было непонятным. Но с этим он разберется позже. Сейчас же, понимая нетерпение сквайда и его главы, отступил на шаг, и взмахнул оружием. Несильно, но – как оказалось – все же избыточно. Потому что тяжелая кувалда не просто проломила тонкую корку камня, но и заставила что-то громко треснуть в его толще, и проследовала дальше – вместе с дверью, которой оказалась эта часть стены. Дарф в который раз восхитился искусством мастеров Ушедших. До этого момента даже он, понимавший, и «читавший» камень так, как Гром свои книги, не мог различить той грани, что разделяла стену от замаскированной двери.

Теперь же она практически полностью распахнулась, словно приглашая внутрь. Как предполагал Артан, к богатствам. Тем не менее, он не ринулся вперед; без команды главы. А вот кому не требовалось никакой команды, так это магу. Он и скользнул мимо Глаза сквайда, несколько растерянного от такой бесцеремонности. Растерянность эта почти сразу превратилась в раздражение, и даже вполне понятную злость. Но маг, если даже и распознал эти чувства, буквально накрывшие дарфа до кончика кувалды, никак не отреагировал. Просто исчез за поворотом короткого, локтей на тридцать, коридора. А когда Артан, а следом за ним остальные искатели, сбившиеся в непозволительно плотную толпу, оказались у этого поворота, мага в другом коридоре, более широком, и куда более длинном, они не обнаружили.

– Скорее всего, круговой, – определил Артан, оценив то обстоятельство, что этот коридор, единственным «украшением» которого были немногочисленные двери, расположенные по обе стороны, имел видимый изгиб, – в какую сторону идет?

Он успел убедиться, что пыли на полу почти не было, и направление в котором исчез Олег, определить по следам было невозможно. Но почему-то был уверен, что пошел тот налево, если считать от короткого коридора.

– Может, сразу обе будем проверять?

Это предложил старший из братьев, Алай. Он «поспешил» появиться на свет чуть раньше своего брата-близнеца, и по жизни был так же шустрее.

- Нет, – решила Мира, – держимся вместе. Артан – вперед. Дистанция десять шагов.
- Разумно, – решил про себя дарф, ничуть не обиженный.

Он двинулся вперед, внимательно разглядывая, чуть не обнюхивая встречавшиеся по обе стороны коридора двери. Но единственное, что успел понять к тому времени, когда они завершили полный круг, и опять оказались у тупичка с раскрытой в зал дверью, это то обстоятельство, что самое большое помещение, очевидно, скрывается за той дверью, у которой они как раз остановились. Той дверью, что располагалась как раз напротив короткого коридора. Такой вывод он сделал на том основании, что расстояние до других дверей от этой было самым большим. Как слева, так и справа.

Этим выводом он и поделился с главой, которая остановилась рядом. Трое других, как и полагалось в рейде, разбежались по сторонам, выбрав для наблюдения как раз три направления. Но прислушивались, конечно, к словам дарфа, а потом и Миры.

- А куда маг делся? – спросила она сначала.

– Не знаю, – пожал плечами Артан, – не понял. Понятно, что за дверью, но за какой из них... следов взлома не было. Может, у него есть ключи?

- Тогда почему он не открыл ими эту дверь?

Мира показала туда, где у входа в зал переминался с ноги на ногу долговязый оркус. Спросила, хотя сама понимала – ответа на этот вопрос у дарфа нет. Зато у него был свой вопрос:

- Какую будем ломать первой? Я предлагаю эту.

Он ткнул коротким толстым пальцем в ту, у которой сейчас и стоял. Кувалда по-прежнему лежала на плече, именно в этот момент угрожающе шевельнувшись. Естественно не сама – это мускулы дарфа едва заметно напряглись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.